

**Автономная некоммерческая организация высшего образования
«Поволжский православный институт имени Святителя Алексия,
митрополита Московского»**

Кафедра русского языка и литературы

Направление подготовки 45.03.01 Филология
направленность «Отечественная филология»

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

на тему:

Этнонимическая лексика в повествовательном фольклоре Поволжья

Выполнила студентка
4 курса группы ОФ-401
очной формы обучения
**Колесникова Дарья
Алексеевна**

Научный руководитель:
Венгранович Марина
Александровна,
д.ф.н., доцент

Допустить к защите:
Заведующий кафедрой
русского языка и литературы

О.Ю.Лысова

(подпись)

«__» _____ 2019г.

Тольятти
2019

**Автономная некоммерческая организация высшего образования
«Поволжский православный институт имени Святителя Алексия,
митрополита Московского»**

Кафедра русского языка и литературы

Направление подготовки 45.03.01 Филология
направленность «Отечественная филология»

УТВЕРЖДАЮ

Зав. кафедрой русского языка и литературы

О.Ю.Лысова

(И.О.Ф.)

« _____ » _____ 2019г.

ЗАДАНИЕ

на выполнение бакалаврской работы

Студентка: **Колесникова Дарья Алексеевна**

1. Тема: **Этнонимическая лексика в повествовательном фольклоре Поволжья**

2. Срок сдачи законченной бакалаврской работы: 11.06.19 г.

3. Исходные данные: научная и учебная литература по теме исследования, периодические издания, Интернет – ресурсы, диссертационные исследования, монографии, сборники фольклорных текстов и др.

4. Содержание работы: введение: актуальность, цель, задачи, объект, предмет и методы исследования, теоретическая и практическая значимость, апробация, структура ВКР.

Оглавление:

Глава I. Язык и этнический менталитет.

1.1 Ментальность и лексика.

1.2. Ментальность и грамматический строй.

1.3.Ментальность в фольклорной языковой картине мира.

1.4. Понятие об этнонимической лексике.

1.5.Жанровые особенности предания и легенды.

Выводы к 1 главе.

Глава II. Функционирование этнонимической лексики вволжских преданиях и легендах.

2.1. Этнонимическая лексика, представляющая кластер «Свое».

2.1.1. Лексемы – географические названия.

2.1.2. Лексемы, обозначающие персонажей текста.

2.2. Этнонимическая лексика, представляющая кластер «Чужое».

2.2.1 Лексемы-топонимы и географические названия.

2.2.2. Лексемы, обозначающие персонажей текста.

2.3. Этнонимическая лексика кластера «Пограничный мир».

Выводы ко 2 главе.

Заключение.

5. Ориентировочный перечень графического и иллюстративного материала:
таблицы, рисунки (диаграммы, схемы)

6. Дата выдачи задания «___» _____ 2019г.

Научный руководитель _____ М.А.Венгранович (д.ф.н.)
(подпись)

Задание принял к исполнению _____ Д.А.Колесникова
(подпись)

**Автономная некоммерческая организация высшего образования
«Поволжский православный институт имени Святителя Алексия,
митрополита Московского»**

Кафедра русского языка и литературы

Направление подготовки 45.03.01 Филология
направленность «Отечественная филология»

УТВЕРЖДАЮ
Зав. кафедрой

(подпись)

(И.О.Ф.)

« ____ » _____ 2019 г.

**КАЛЕНДАРНЫЙ ПЛАН
выполнения бакалаврской работы**

на тему: Этнонимическая лексика в повествовательном фольклоре Поволжья.
студентки: Колесниковой Дарьи Алексеевны

	Наименование раздела работы	Плановый срок выполнения раздела	Фактический срок выполнения раздела	Отметка о выполнении	Подпись
1.	Поиск литературы и других источников, их предварительное изучение, подготовка списка источников	01.04.19	01.04.19		
2.	Формирование плана исследования, его содержания и структуры	20.04.19	20.04.19		
3.	Написание разделов ВКР	23.04.19	23.04.19		
	Введение	24.04.19	24.04.19		
	1 глава	30.04.19	30.04.19		
	2 глава	07.05.19	07.05.19		
	n глава	11.05.19	11.05.19		
4.	Формирование выводов и практических рекомендаций. Написание заключения	13.05.19	13.05.19		
5.	Оформление работы	29.05.19	29.05.19		
6.	Предзащита дипломной работы	03.06.19	03.06.19		
7.	Исправление замечаний	07.06.19	07.06.19		
8.	Представление бакалаврской работы на кафедру	07.06.19	07.06.19		

9.	Получение отзыва от руководителя	03.06.19	03.06.19		
10.	Получение справки о проценте оригинального текста	11.06.19	11.06.19		
11.	Подготовка доклада и иллюстративных материалов для защиты	02.06.19	02.06.19		
12.	Изучение рецензии и отзыва руководителя. Подготовка ответов на замечания.	06.06.19	06.06.19		

Научный руководитель _____ М.А.Венгранович (д.ф.н.)
(подпись)

Задание принял к исполнению _____ Д.А.Колесникова
(подпись)

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	7
Глава I. Язык и этнический менталитет.....	6
1.1 Ментальность и лексика	7
1.2. Ментальность и грамматический строй.....	13
1.3. Ментальность в фольклорной языковой картине мира.....	14
1.4. Понятие об этнонимической лексике.....	18
1.5. Жанровые особенности предания и легенды.....	19
Выводы к 1 главе.....	24
Глава II. Функционирование этнонимической лексики в волжских преданиях и легендах.....	25
2.1. Этнонимическая лексика, представляющая кластер «Свое»	25
2.1.1. Лексемы – географические названия.....	25
2.1.2. Лексемы, обозначающие персонажей текста.....	38
2.2. Этнонимическая лексика, представляющая кластер «Чужое» ..	55
2.2.1 Лексемы-топонимы и географические названия.....	55
2.2.2. Лексемы, обозначающие персонажей текста.....	56
2.3. Этнонимическая лексика кластера «Пограничный мир».....	62
Выводы ко 2 главе.....	73
Заключение	79
Библиографический список.....	86

Введение

Современная лингвистика характеризуется возросшим интересом к личностному аспекту изучения языка, к человеку как «языковой личности», носителю определенного языкового сознания. Этим в определенной мере объясняется антропоцентризм в гуманитарных исследованиях, а также развитие таких смежных дисциплин, как психолингвистика, когнитивная лингвистика, этнолингвистика и др. В рамках этих и других дисциплин все большее значение получает изучение концептосферы, языковой картины мира, языкового сознания, в частности, этнического самосознания. Этническое самосознание базируется, прежде всего, на родном языке, следовательно, анализ языка – благодатная почва для исследования менталитета того или иного народа.

Описание народного менталитета через язык и тексты народной культуры считается главной задачей этнолингвистики. Этнолингвистика – новое направление в лингвистике, появившееся в XX веке, рассматривающее спектр проблем, связанных с областью взаимодействия языка и этноса.

Этнический эталон народа – носителя фольклора – хранится в устном народном творчестве. Фольклорная картина мира – особая фольклорная реальность, выраженная с помощью языка традиционного народного творчества, а по образному определению Б.Н.Путилова, – это "трансформированный мир действительности" [Путилов, 1994].

В соответствии с этим выявление лексических единиц с этнической семантикой в текстах локального фольклора для определения специфики этнического менталитета народов, проживающих в волжском крае, представляется чрезвычайно **актуальным**.

Цель данной выпускной квалификационной работы – определение семантических и функциональных особенностей этнонимической лексики в текстах повествовательных жанров фольклора волжского края.

Для достижения этой цели необходимо решить **ряд задач**:

1. изучить научную литературу по теме исследования;

2. выявить этнонимическую лексику в волжских преданиях и легендах и охарактеризовать ее семантические и функциональные свойства;
3. определить специфичность этнонимической лексики в текстах повествовательного фольклора волжского края, выявить жанровую специфику в употреблении этнонимической лексики;
4. обобщить результаты исследования.

Для решения поставленных задач были выбраны следующие **методы** исследования: метод наблюдения за языковым материалом, метод описания и сопоставления языкового материала, метод обобщения, семантический, лингвостилистический и функциональный анализ языкового материала.

Объектом анализа является этнонимическая лексика в текстах волжских преданий и легенд как жанров повествовательного фольклора.

Предмет изучения – семантические и функциональные свойства этнонимической лексики, представляющей кластеры "Свое" и "Чужое".

Материалом для работы послужили тексты легенд и преданий из сборников:

1. Сказки Волжской вольницы /сост. Н. И. Тараканова. –Тольятти, 2002.
2. Сорокина Н.В. Степан Разин. Народные песни.– Куйбышев: Куйбышевское книжное издательство, 1979. 104с.

Теоретическая значимость исследования состоит в выявлении семантической и функциональной специфики этнонимической лексики в текстах волжского повествовательного фольклора, связанной с проявлением этнического менталитета народа волжского края.

Практическая значимость работы состоит в том, что ее результаты могут быть использованы в спецкурсах и семинарах по языку фольклора и проблемам лингвокультурологии в вузе и школе.

Апробация. Материалы работы были апробированы на региональной молодежной научно-практической конференции «Современные гуманитарные науки в аспекте духовно-нравственных традиций и педагогических нова-

ций» (Тольятти, Поволжский православный институт, 10–11 апреля 2019 г.) и опубликованы в виде тезисов в сборнике материалов конференции.

Структура работы. Выпускная квалификационная работа состоит из введения, двух глав, заключения и библиографического списка.

Во введении обосновывается актуальность исследования, формулируется предмет, объект, цели и задачи исследования, обосновывается теоретическая и практическая значимость работы.

В первой главе – «Язык и этнический менталитет» – дается общее представление об этническом менталитете, его связи с языком на лексическом и грамматическом уровнях, представление о ментальности в фольклорной языковой картине мира и общее понятие об этнонимической лексике.

Во второй главе – «Функционирование этнонимической лексики в волжских преданиях и легендах» – описывается выявленная в ходе исследования этнонимическая лексика в волжских фольклорных текстах, представляющая кластеры "Свое" и "Чужое" (и относящийся в большей степени к «Чужому» кластер «Пограничный мир»), и определяется ее семантическая и функциональная специфика.

В заключении делаются выводы, полученные в результате проведенного исследования.

Глава I. Язык и этнический менталитет

Язык – важнейшая форма этнической культуры. Этнический менталитет или этническая самобытность – объективный, исторически складывающийся культурно-мировоззренческий феномен, обнимающий все существенное в этническом (национальном) мировосприятии и самосознании.

В современной культурологии существует следующее определение менталитета. «Менталитет (лат.) - образ мышления, общая духовная настроенность человека, группы» [ФЭС, 1998, 263]. Каждодневная жизнь и положение любого народа моделируют и ментальность, и культуру данного народа. В связи с этим менталитет со временем изменяется.

«Ментальные представления народа шлифуются, превращаясь в коллективный опыт, в течение веков и тысячелетий, и откладываться они могут лишь в том, что также непрерывно и долговечно, как и этническое существование, этническая история, – в языке. В силу этого языку принадлежит исключительная роль на путях познания того, что имеется в виду, когда говорят об этническом менталитете, о культурно-исторической, культурно-психологической самобытности народа и народов» [Тарланов, 1995, 3]. Разные языки по-разному представляют одни и те же картины мира. Язык считается основным, ярчайшим и устойчивым показателем этноса. Но структура этноса в большей мере, чем структура языка, изменчива исторически и связана с социально-экономическими и государственно-политическими процессами, оказывающими серьезное воздействие на соотношение язык-этнос.

Ментальность отражается в языке на уровне лексики (ключевых слов) и на уровне грамматики (категории и структуры).

1.1. Ментальность и лексика

Важнейшим свойством живого языка является способность аккумулировать в себе культурные смыслы. Исследователи говорят о двух уровнях проявления культурного фона в лексике. Первый уровень – отражение материальной культуры, второй – мировоззренческий фактор.

В последнее время обсуждается вопрос о наличии особой «культурной памяти слова». «Культурной памятью объясняется семантическая эволюция, при которой слово чаще всего движется от конкретного к абстрактному. *Детище* первоначально означало «дитя», а сейчас " плод творческой, интеллектуальной, ментальной деятельности". Однако слово в своей эволюции может проделать путь и от широкого, абстрактного к конкретному, частному. Глагол *идти* в древнерусском языке, как и в английском, прилагался и к ползущим, и к летящим, и к плывущим объектам» [Хроленко, 2004, 80-81].

Связь языка и культуры рождает коннотацию слова. Своя окраска присутствует у большинства слов и у большинства элементов сознания. У одного и того же концепта в разных культурах и языках могут быть разные коннотации. Коннотация может быть положительной и отрицательной, что проявляется прежде всего в связях слов: *швейцарский банк, немецкая аккуратность, русский писатель*. «Словарь, корневые слова языка, само наличие тех или иных слов, свидетельствует о том, какие предметы были самыми важными для народа в период формирования языка, о чем думает народ, синтаксис - как думает, а коннотация слов - о том, как он оценивает предмет мысли. Язык - самый честный и памятливейший свидетель истории и культуры народа» [Арутюнова, 1995, 33].

Слово способно аккумулировать в себе культурные смыслы и тем самым наиболее полно отразить этнический менталитет народа.

Современные исследователи выделяют следующие черты русского национального характера: тенденция к крайностям, эмоциональность, ощущение непредсказуемости жизни и недостаточность логического и рациональ-

ного подхода к ней, тенденция к пассивности, фатализму, ощущение непредсказуемости и неподконтрольности жизни человеческим усилиям, нелюбовь к дисциплине, склонность к отрыву теории от практики.

В статье "Русская ментальность" А. Д. Шмелев показывает, как эти черты отражаются в нескольких лексических сферах:

1. слова, соответствующие определенным аспектам универсальных философских концептов (*правда/истина, долг/обязанность, свобода/воля, добро/благо*);
2. слова, соответствующие понятиям, существующим в других культурах, но особенно значимым именно для русской культуры и русского сознания (*судьба, душа, жалость*);
3. слова, соответствующие уникальным русским понятиям (*тоска, удаль* и др.);
4. слова, отражающие специфику русского представления о пространстве и времени (пространственные и временные наречия и предлоги: *утром, наутро, под утро, с утра, поутру* и др.);
5. слова, определенным образом концептуализирующие события, случившиеся в жизни субъекта, или его планы на будущее (*собираюсь, постараюсь, успеется, сложилось, угораздило* и др.);
6. модальные слова, частицы, междометия, выражающие не просто внутреннее состояние говорящего в момент речи, а его более или менее постоянную жизненную установку (*авось, небось, заодно, видно, же, как будто, угу, -то, -ка* и др. [Цит. по: Хроленко, 2008, 62]).

Д.С. Лихачев так определяет русскую ментальность: «Во всем доходить до крайности, до пределов возможного – несчастье русских. В России не было счастливого настоящего, а только заменяющая его мечта в счастливое будущее. Стремление русских во всем достигнуть последнего имеет и поло-

жительную сторону - способность колоссального развития духовной области» [Цит. по: Хроленко, 2008, 64]. Ключевыми словами русской ментальности считают слова *душа, судьба, подвиг, воля, удаля*. Эти слова практически не переводимы на другие языки. «Словарь культурно непереводаемых слов» русского языка достаточно широк. Это и *авось* ("в надежде на ничтожно малый шанс"), *небось* ("знание той или иной ситуации"), *пошлый* ("ничтожный в духовном отношении" и "неоригинальный, банальный"), *плевать* (в значении "безразличие"), *быт* ("повседневная суэта") и др. Заимствованные слова, попадая в лексикон новой ментальности, также могут менять свой смысл.

Таким образом, констатируем, что слово обладает особой культурной памятью, то есть имеет способность аккумулировать в себе разные культурные смыслы.

1.2. Ментальность и грамматический строй

Этническая ментальность ярко отражается и в словарном составе языка, и в его грамматическом строе. Русская ментальность «считает вербальное выражение эмоций одной из основных функций человеческой речи» [Вежбицкая, 1997, 55].

Частый в русских глаголах постфикс *-ся* создает впечатление, что эмоции возникают не под воздействием внешних причин, а сами по себе: *радоваться, волноваться, беспокоиться, гордиться, унижаться, злиться, гневаться, томиться, огорчаться, стыдиться*.

Огромный спектр эмоциональных отношений передается разнообразными суффиксами: *вор, ворюшка, ворюга, ветрище, малявка*. Также это отражается в экспрессивной деривации русских имен: *Катя, Катенька, Катюша, Катька, Катюха, Катюшенька*.

Как полагает А. Вежбицкая, русские очень часто рассказывают о событиях своей ментальной жизни, подразумевая при этом, что эти события просто случаются и что они не несут за них ответственности. Это подтверждает-

ся частотностью конструкций, в которых используются дативы (*Ему было завидно/ мучительно / хорошо*), инфинитивные конструкции без модальных слов (*Не бывать, Не догнать, Не жить!*), глагол *хочется*, передающий неопределенное желание чего-то как бы управляемого извне некоей силой (*Сердцу хочется любви*).

«Обилие безличных предложений в русском языке – рефлекс некоей иррациональности как элемента русской ментальности: *Его переехало трамваем; Его убило молнией*. Весьма конкретные трамвай и молния предстают как орудие какой-то неведомой силы, направленной против человека. Люди в этом случае не контролируют события и представляют их не полностью постижимыми» [Хроленко, 2004, 72].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что ментальность того или иного народа обуславливает возникновение различных грамматических форм, конструкций и т. д. Также приходим к заключению о том, что особенности русского национального характера раскрываются и отражаются в трех уникальных понятиях русской культуры - душа, судьба, тоска.

1.3. Ментальность в фольклорной языковой картине мира

Фольклор – это уникальная сфера существования языка, наиболее яркое выражение национальной ментальности. Слово в фольклоре не просто языковая единица, в нем воплотились восприятие и оценка нашими предками окружающего мира. «Что значило для народной жизни слово вообще? Слово приравнивалось... к самой жизни. Слово порождало и объясняло жизнь, оно было для крестьянина хранителем памяти и залогом бесконечности будущего... Любое слово всегда стремилось к образному совершенству» [Белов, 1984, 246].

Произведение фольклора - это уникальное речевое высказывание, несущее единственный, лишь ему присущий смысл. Фольклорный текст состоит из типовых элементов, которые представляют собою чаще всего семантиче-

ски и структурно организованные единицы, обладающие своими собственными значениями, живущие до известной степени по своим законам, имеющие свою историю и в то же время обнаруживающие себя лишь в составе целостных текстов. Сюда нужно отнести в первую очередь мотивы, разного рода стереотипы, формулы, символы, имена и т.д. – все то, что заполняет живую ткань фольклорного текста. Фольклорный текст – это, несомненно, основа художественного произведения, а в художественном произведении слово по семантике отличается от своего внехудожественного смысла.

Слова в фольклоре содержат определенные смыслы, зависящие от тех структур сознания, которые породили данные тексты. «Дом, лес, дорога, липа, ель, береза не простые имена предметов. В них заключается смысл, зависящий от жанра, места в тексте, семантического окружения, - зависящий от формы своего употребления, подвижный и вместе с тем единый смысл» [Червинский, 1989, 6].

Если в различных контекстах можно выявить конкретно разные значения слова, то при понимании слова как символа эти различия исчезают. Символ в фольклорном тексте выглядит как обобщение достаточно широких и общих мотивов: грустное, мрачное, несчастное, страдающее и т. д. Это, как отмечает А. Т. Хроленко, особое соотношение слова и текста.

Так, например, П.П. Червинский рассматривает значения лексемы *дуб* в различных фольклорных жанрах (сказках, загадках, поговорках, лирических и обрядовых песнях и т. д.). Он приходит к выводу о том, что «лексические значения одной лексемы образуют иерархическую структуру, которая отражает группы мифологических, ритуально-обрядовых, социально-психологических, реально-бытовых значений» [Червинский, 1989, 10]. Иначе говоря, фольклорному слову присущи свои традиционно-фольклорные смыслы.

Под традицией понимают раннюю систему знаний коллектива, способ раннего мышления, способ отношения к миру, объяснения его, что отражается в мифах, преданиях, эпосе, фольклоре [Червинский, 1989, 19]. В центре морфологии фольклорного языка стоит не слово, а именно традиционно-

фольклорный смысл, как самостоятельная грамматическая единица. « Семантический язык фольклора, таким образом, можно представить как словарь и грамматику (морфологию и синтаксис) традиционных смыслов» [Червинский, 1989, 20] .

Фольклорное слово обладает неопределенностью значения, оно семантически насыщено, что определяет его большую морфологическую и словообразовательную свободу, дает богатые художественно-выразительные возможности. Исходя из этого, мы можем говорить, что фольклорное слово двойственно по своей природе. Часто одна и та же реалья, предмет обозначаются двумя разными, но схожими по своей тематике существительными, прилагательными и т. д. Например: *утка-перепелка, гусь-лебедь, море-озеро, рябина-береза* и т. п. То есть при устойчивости смысловых и стилевых констант, слово обладает вариативностью - возможностью форм одной смысловой парадигмы осуществляться во время высказывания. При этом замена одного другим не нарушает общего смысла. « На семантике каждого отдельного слова лежит отблеск всей парадигмы, обобщенное значение всех компонентов парадигмы явственно присутствует в семантической структуре каждого отдельного компонента. Отсюда легкость замены любого компонента парадигмы, отсюда тот тотальный синонимизм, который присущ фольклорному тексту. Тематическая близость слов одной части речи – вполне достаточное условие их взаимозаменяемости» [Хроленко, 1991, 124]. Традиционный смысл - член не одной парадигмы и носитель не одного грамматического значения. Этот смысл передается не только словом, но также синтаксически, морфологически и контекстуально.

«Степень определенности формы смысла в тексте складывается как обусловленность парадигматического и синтагматического: лексической системы, морфологии и синтаксиса семантики фольклора» [Червинский, 1989, 100]. Слово часто передает неодинаковые традиционные смыслы, оно зависит от своего морфологического и синтаксического оформления в тексте, от сочетания с другими словами. Так, например, лексемы *лес, море, поле*, нахо-

дьясь в одной тематической парадигме означают следующий традиционно-фольклорный смысл – «чужая сторона, рубеж к ней, таинственное угрюмое место связи с потусторонним, неведомым». Здесь мы можем говорить об обобщенности фольклорного слова. Но в другом контексте эти лексемы могут обозначать другие традиционные смыслы: *лес* – «чужая сторона, место гуляния девушек, сбора ягод, место встречи с незнакомцем», *море* – «чужая сторона, место, связанное с рождением героя, место, откуда ждать прибытия жениха, мотив свадьбы», *поле* – «чужая сторона, место смерти героя, одиночество девицы, место гуляния девушек, простор, раздолье». Фольклорное слово способно обозначать большое количество предметов и явлений, сходных с ним по какому-либо признаку, то есть обладает семантической объемностью, многозначностью.

В ценностной картине мира русского фольклора очень важным является упоминание «свое - чужое», где свое оценивается как положительное, хорошее, а чужое - как плохое. Свое и чужое составляли единое целое - мир, в котором существовал человек. «В самых общих чертах свое- принадлежащее человеку, освоенное им; чужое- нечеловеческое, звериное, принадлежащее богам, сфера смерти» [Байбурин, 1990, 3].

Данное противопоставление существует в текстах в различных вариантах: область живых - область мертвых; мир людей - мир богов; человеческое - нечеловеческое (звериное); освоенное - неосвоенное. А.К. Байбурин рассматривает чужое с позиции иного мира, пограничного с миром живых. То есть мир живых противопоставляется миру покойников, предков, домашних, леших, богов и т. д. Однако понятие своего и чужого гораздо шире. Оно также описывается через противопоставление доброго - злему, красивого - безобразному, богатого - бедному, теплого - холодному, веселого - грустному и т. п.

Так например, семантическая область «чужое, не наше, не русское» в народной лирике обычно выражается прилагательными *шведский, турецкий,*

немецкий, сочетающимися в парах (Во поход пошел в ины земли,/ В ины земли, в Турецкие,/В турецкие, во Шведские).

В духовных стихах «главное противопоставление зла и добра, неправды и правды реализуется часто в форме противопоставлений прелестного мира - прекрасной пустыни, ада - рая, богатства - бедности, жадности - милосердия, гордости - смирения, блуда- целомудрия, жестокости - кроткого мученичества, чести - нечестия» [Никитина,2003, 4].

Чужое необходимо для развития самосознания, личности народа. «Свой мир - это мир уникальных, индивидуальных, определенных в своей конкретности и известных в своей определенности для субъекта сознания и речи дискретных объектов, называемых собственными именами. Свой мир- это мир собственных имен» [Березкина, 2001,2].

1.4. Понятие об этнонимической лексике

Наиболее ярко ментальность народа отражается в особом пласте лексики – этнонимах. Поэтому для более подробного изучения данной проблемы на материале фольклорных текстов необходимо обратиться к такому важному пласту языка фольклора, как этнонимическая лексика, которая реализует важный фрагмент фольклорной языковой картины мира через призму «свое - чужое». Этнонимы (от греч. *ethnos*— народ + *онума* — имя)– названия народов, племен. Березкина Е.С. под этнонимической лексикой понимает группы этнонимов и образования от них: отэтнонимические существительные, прилагательные и наречия [www.ruthenia.ru/folklore/berezkina1].

Многие этнонимы и образования от них входят в ядро фольклорного лексикона, участвуют в поэтических приемах, что говорит об их значимости в фольклорной поэтике. Отэтнонимические прилагательные часто являются постоянными эпитетами. Подобные эпитеты часто называют идеализирующими. «Многие элементы этнонимической лексики входят в ядро фольклорного словаря, представляют собой определенные константы фольклорного

мира, большую роль в нем играют предметы по своему происхождению иностранные, чужеземные, этносы, так или иначе повлиявшие на культурную и историческую жизнь Руси. Все это, бесспорно, обогащает этническую и предметную картины мира фольклора, наполняют ее межэтническими связями и отношениями, предполагает реальность культурного обмена между этносами и демонстрирует открытость русской культуры. Таким образом, очевидно различие в сознании русского человека "своего" и "чужого". "Свое" воспринимается однозначно положительно и вселяет гордость своею принадлежностью Руси. "Чужое" может восприниматься двояко: в одних случаях это нечто качественное, добротное либо удивительное, в другом - злое, приносящее вред» [Березкина, 2001,13].

1.5. Жанровые особенности предания и легенды

Жанр как таковой – чрезвычайно широкое понятие. При теоретическом рассмотрении того, каким содержанием и объемом оно обладает, возможны разные подходы. При их выборе в данном случае важен тот, который приведет к пояснению творческих процессов в фольклоре. Жанр – основная творческая единица изучения устного творчества народа.

Понятие жанра в фольклористике употребляется в двух значениях:

1) как совокупность произведений/текстов, характеризующих общностью художественного содержания, поэтической системы, функций, особенностей исполнения, связей с невербальными художественными формами (музыкой, танцем, театром);

2) как исторически сложившаяся и реализуемая в конкретных произведениях, в совокупности произведений система содержательных, собственно поэтических, функциональных и исполнительских принципов, норм, стереотипов, за которыми стоят выработанные коллективным опытом представления, отношения, связи с теми или иными сферами действительности, социальными институтами, бытом и т. д. [Аникин, 1996, 93].

Признаки, по которым происходит объединение текстов под единую жанровую «шапку», чаще всего неоднородны и не всегда четко формулируемы. Одни из них лежат на поверхности: иногда это указание на очевидную функцию (колыбельные, считалки), иногда — на наиболее яркую особенность (плач или голошение), иногда — на ведущую содержательную направленность (историческая песня). Эти поверхностные указатели служат лишь первичным ориентиром. Для фольклорной среды или рядового наблюдателя со стороны их вполне достаточно, чтобы воспринимать тексты на их языке. Но исследователю их совершенно недостаточно, он обязан проникнуть в глубь проблемы и выявить весь комплекс объединяющих признаков. Л. Хонко предлагает в качестве основных жанровых критериев содержание, форму, стиль, структуру, функции, частотность, распространенность, возраст, происхождение [Цит. по: Аникин, 1996, 95].

Исследователи не сомневаются, что между жанрами устной прозы существует принципиальное различие. В устной прозе отчетливо различимы в своей тематической, композиционно-структурной, образно-стилевой определенности такие жанры, как сказка с ее разновидностями, предание, бывальщина, быличка и легенда.

В контексте данной дипломной работы нас будут интересовать следующие фольклорные жанры: **легенда, предание**. Рассмотрим их особенности.

Предания и легенды составляют основной массив той области фольклора, которую русские фольклористы обозначают термином "несказочная проза". Различия между преданиями и легендами народное сознание не делает. Да и современная наука не всегда может провести четкую грань между ними. Главное их отличие от сказки в целевой, идейной установке жанров. Сказка неотделима от вымысла, а предание и легенда объясняют реальные факты. Вымысел же здесь служит только объяснению реальных фактов. «Это мировоззренческая фантастика, а сказочный вымысел – поэтическая условность» [Аникин, 1987, 209].

Слово "легенда" на латыни буквально значит "то, что следует читать". Первоначально так называли жития святых, в которых содержались примеры христианской добродетели и благочестивого поведения. Позже под легендами стали понимать вообще поучительные и благочестивые истории, а затем и просто истории, в которых происходит что-то необычное, чудесное, но воспринимается это как происшедшее на самом деле.

Легенда всегда отражала действительность сквозь призму того или иного верования либо той или иной совокупности верований. Основная общественная функция легенды – подкрепить верование, повествуя о чудесном. Чудесное могло иметь проявления самые разнообразные, начиная от деяний божественных сил и кончая, например, колдовской неуязвимостью народного заступника и проделками домашних духов. Пока сохранялась незыблемость верования, продолжали жить в репертуаре основанные на нем легенды. С утратой верования легенды перестают бытовать либо изменяют свою функцию и воспринимаются как развлекательные рассказы (нередко - юмористические).

Все происходящее в легендах описывается и оценивается с точки зрения соответствия христианским нормам жизни - как их понимает народная традиция. В событиях, изображаемых в легендах, много невероятного. Но понятия "правдоподобно" или "неправдоподобно" к ним неприменимы.

Как правило, главное, что фиксируется при оценке этого жанра – это его содержательная сторона. При этом содержание легенды обычно ассоциируется с вымыслом. И действительно, представить легенду, над которой бы не поработала фантазия ее создателей, вряд ли возможно. Ведь хорошо известно, что в том случае, когда люди не могут что-то объяснить реальными причинами, они всегда начинают их «вымысливать», т.е. придумывать. Вместе с тем надо иметь в виду, что одного только вымысла для создания устойчивой легенды мало.

Легенда достаточно часто содержит в своей основе какой-то вполне реальный исторический факт. Таковы легенды о выдающихся полководцах,

всевозможных героях, чудотворцах и пр. Часто легенда «привязывается» не только к определенной личности (личностям), но и к конкретному месту, местности, событию, явлению.

Термином «предания» обозначают повествования, отражающие главным образом обыденные представления о мире. Предания могут быть подразделены на ряд разновидностей: исторические, топонимические и т. д. [Азбелев, 1975, 134].

Как правило, предания носят локальный характер, то есть бытуют только в определенном районе. За исключением небольшого количества «общих» сюжетов, в каждой области свои предания, отражающие локальные исторические условия жизни.

Предания считаются старинным жанром, они испокон веков передаются из уст в уста, из поколения в поколение, они постоянно на протяжении многих столетий изучаются историками и писателями в качестве свидетельства «старины глубокой». Предания являются источниками познания исторической действительности, неписаной летописью истории народов, племен и родов.

Как и в любом другом жанре фольклора, в преданиях широко используются разные художественные приемы и формы повествования.

Предания по своей тематике весьма разнообразны, они отражают все многогранные стороны деятельности людей, их отношение к природе, к общественной жизни и социальному строю.

У преданий нет определенных стилевых особенностей. Они отличаются разнообразным словесным оформлением. Повторяются лишь некоторые сюжетные мотивы – «обращение людей в камни, сокрытие и уход под землю, передача имени человека той или иной местности, роковой исход событий и прочие необратимые действия» [Аникин, 1987, 214].

Предание излагается в форме эпического повествования о достоверном. Оно утверждает или отрицает что-либо без колебаний. Смещение хронологии событий, объединение многих явлений в одно – обычные приемы повест-

вования, применяемые рассказчиками с целью развития занимательности сюжета. Иногда эти приемы служат средством объяснения исторических фактов с позиции народной молвы, то есть так, как об этом думали и говорили в большей своей части простые люди.

Для него характерно также создание "своего" мира, "своей" исторической, социальной, бытовой модели.

«Как бы ни отличались друг от друга быличка, легенда, историческое предание своей тематикой, своим материалом, своими персонажами, своей целенаправленностью, их объединяет общая доминантная функция: дать информацию, сообщить о происшествии, случае, герое, духе, святом. Наибольший успех выпадает на долю того рассказчика, который рассказывает наиболее достоверно и точно. В сказочной прозе, независимо от того, имеет ли рассказ дидактический, морализующий характер, приоритет имеет познавательный момент. Это прежде всего сообщение, т. е. семантическая информация» [Померанцева, 1975, 76].

Предания и легенды как типы фольклорных повествований сходны своей связью с двумя формами общественного сознания – наукой и верой. Но по характеру их соотношения с этими формами они в известном смысле противоположны. Предания стадильно предшествуют науке, точнее тем отраслям ее, в которых существенную роль играет описание и объяснение событий и явлений. С развитием же самой науки и распространением научных знаний предания исчезают. Легенды возникали как следствия сложившихся верований. С исчезновением верований утрачиваются и условия существования легенд, на этих верованиях основанных.

Выводы к 1 главе.

1. Таким образом, констатируем, что этническое самосознание отражает менталитет того или иного народа. Этнический эталон народа хранится в фольклоре, который представляет собой плод народного творчества, переплетенный с достоверностью.

2. Язык считается основным устойчивым показателем этнического самосознания. Ментальность отражается в языке на уровне лексики и на уровне грамматики. Важнейшим свойством слова на уровне лексики является его способность аккумулировать в себе различные культурные смыслы. На грамматическом уровне ментальность проявляется в специфических грамматических категориях и структурах.

3. Фольклорное слово не просто языковая единица, оно содержит в себе определенные традиционные смыслы, в которых воплотились восприятие и оценка нашими предками окружающего мира. Наиболее ярко ментальность народа отражается в особом пласте лексики – этнонимах. Многие элементы этнонимической лексики входят в ядро фольклорного словаря, представляют собой определенные константы фольклорного мира.

4. Предания и легенды составляют основной массив той области фольклора, которую русские фольклористы обозначают термином "несказочная проза". Легенда всегда отражала действительность сквозь призму того или иного верования либо той или иной совокупности верований. Основная общественная функция легенды – подкрепить верование, повествуя о чудесном. Термином «предания» обозначают повествования, отражающие главным образом обыденные представления о мире. Предание излагается в форме эпического повествования о достоверном. Оно утверждает или отрицает что-либо без колебаний. В сказочной прозе, независимо от того, имеет ли рассказ дидактический, морализующий характер, приоритет имеет познавательный момент. Это, прежде всего, сообщение, т. е. семантическая информация.

Глава II. Функционирование этнонимической лексики в волжских преданиях и легендах

В данной главе исследуются тематические группы лексем, обозначающих в волжском фольклоре "свой" мир – *волжский*, мир "чужой" – *не волжский*, а также мир "пограничный".

Среди этнонимической лексики, представляющей соответствующий кластер, мы различаем и исследуем в рамках данной работы 2 основные тематические группы слов: 1) лексемы - географические названия; 2) лексем, обозначающие персонажей текста, а также особую тематическую группу лексем, обозначающих мифологических существ – представителей «пограничного» мира.

2.1. Этнонимическая лексика, представляющая кластер «Свое»

В данном параграфе исследуется ряд лексем, обозначающих в волжском фольклоре «свой» мир.

2.1.1. Лексем – географические названия

1. Лексема *Волга* и образования от нее являются одними из доминантных этнонимов, представляющих кластер «Свое» в текстах волжских легенд и преданий. Именно великая река Волга наиболее ярко воплощает в себе характерные черты народов волжского края – мудрость, дерзость, вольнолюбие.

В текстах легенд лексема *Волга* содержит следующие семы: "наличие физических качеств", "наличие определенных душевных качеств, черт характера".

Атрибутами, описывающими физические качества, выступают лексем *мощная, тяжелая, бурная*:

– Поднялась она **мощной волной** и стала опрокидывать один за другим вражьи челны. Тонут они в **бурных водах...** [Сказки Волжской вольницы, 2002, 383]¹.

– Только Волга плеснет **тяжелой волной** в борта да пронзительно крикнет чайка, стрелой падая к воде [СВВ, 2002, 386].

В «Словаре русского языка» С.И.Ожегова и Н.Ю.Шведовой (М; 1961) данные слова имеют следующие толкования: *мощный* – 1)очень сильный, значительный (по степени, величине), могучий; 2)большой величины, массивный (с. 354); *бурный* – 1) обильный бурями, волнуемый бурей; 2) резкий, стремительный (с. 61); *тяжелый* - имеющий большой вес, отягощающий (с. 806).

Как видим, в текстах волжских легенд центральный топоним – лексема *Волга* – обозначает образ, наделенный такими физическими качествами, как сила, могучесть, стремительность.

В текстах преданий и легенд волжского края Волга предстает не только в образе могучей стихии, но и в образе *Волги-матушки*:

– Ты возьми, возьми, моя милая, /*Меня в Волгу-матушку глубокую...* [ССВ, 2002, 412];

– *Мне с Мариной жить на дне Волги-матушки весело: меня полюбил Водяной Волнок* [СВВ, 2002, 412].

– *Вниз по матушке по Волге, / Мы посмотрим-ко, братцы, / Вниз да по матушке по Волге* [Степан Разин, 1979, 30]².

– *Как названье да этой речке было Волга-матушка* [СР, 1979, 55].

В «Словаре русского языка» С.И.Ожегова и Н.Ю.Шведовой [М; 1961] *матушка* характеризуется следующим образом: 1. Женщина по отношению к своим детям; 2.Источник, начало чего-нибудь, а также о том, что дорого, близко каждому (с.333). Сама специфика жанра актуализирует символическое значение лексемы Волга: образ Родины, матери, защитницы, дома.

¹ Далее при цитировании название источника будет представлено аббревиатурой СВВ.

² Далее при цитировании название источника будет представлено аббревиатурой СР.

«Женский род в позиции олицетворения семантизируется и ассоциируется с полом» [Гин, 1992, 113].

2. Следующей наиболее регулярной географической реалией поволжского края являются *Жигулевские горы*. Показательны частотные прилагательные, помогающие создать образ *Жигулей*: *загадочные, древние, величественные, державные, великие, тайные, высокие, крутые, твердые, неподатливые*:

– *А горы, загадочные и древние, повисли над рекой и, кажется, вот-вот упадут в нее. Величественны дикие горы. Что-то державное есть в них. По скалистым утесам карабкаются к высокому небу сосны* [СВВ, 2002, 386-387].

Величественный – исполненный величия [Ожегов, Шведова, 1961, 69].
Державный – обладающий верховной властью, могущественный [Ожегов, Шведова, 1961, 156].

Итак, мы можем сделать вывод, что *Жигулевские горы* воспринимались волжским поэтическим сознанием как некая крепость, могучая и неприступная.

Лишь в одной из легенд Жигули предстают в образе старой женщины *Жигулихи*, и образ этот не положительный, как описывалось выше, а напротив – отрицательный:

– *Жила была Жигулиха. Да такая злая старуха, и все-то ей не нравилось, вечно ворчала; Постоянная тревога. Нехорошо; Старуха Жигулиха не ворчала, она только вконец рассердилась. Говорит, оставайтесь вы тут, треклятые, а сама юбку подобрала, ребятишек в подол посадила, мужику своему по шее дала* [СВВ, 2002, 420].

Образ старухи вызывает негативные эмоции. Средствами создания данного образа выступают лексемы с отрицательной коннотацией: *злая, ворчала, рассердилась, треклятые, тревога, плохо*; употребление отрицательной частицы *не* (*не нравилось*). На отрицательную коннотацию указывает их лексическое толкование: *злой* - сердитый, исполненный злобы [Ожегов, Шведо-

ва, 1961, 227]; *ворчать* - сердито бормотать, выражая неудовольствие [Ожегов, Шведова, 1961, 94]; *тревога* - беспокойство, волнение (обычно в ожидании опасности или чего-нибудь неизвестного) [Ожегов, Шведова, 1961, 796]; *сердиться* - быть в раздражении, гневе, чувствовать злобу к кому-нибудь [Ожегов, Шведова, 1961, 703]. *Треклятый* - окаянный, ненавистный [Даль, 1956, 428].

Эмоционально негативно окрашено и само имя старухи - *Жигулиха* - топонимическое существительное от названия Жигулевских гор. Таким образом, мы можем говорить, что этнонимическая лексика здесь расширяет свое значение от денотативного к оценочному.

3. Следующими по частотности в ряду топонимов можно назвать такие географические реалии волжского края, как *Молодецкий курган* и *Девья гора*.

Средством олицетворения топонима *Молодецкий курган* становится существительное *молодец*, в составе словосочетания *добрый молодец*. «Оно является комплексной характеристикой внешности, физических данных и внутреннего мира героя, указывает на большую физическую силу, ловкость, удаль и одновременно на доброту, порядочность, верность долгу, смелость, решительность, бесстрашие, на такие интеллектуальные качества, как смешленость, предприимчивость, обходительность, вежливость и т. п.» [Богуславский, 1994, 105].

– *Оглянулись в страхе пришельцы. И видят, на берегу стоят двое: добрый молодец Микула и подруга его Дарьица...*[СВВ, 2002, 383].

– *Полюбил добрый молодец Иван девушку Груню...*[СВВ, 2002, 384].

В приведенных примерах актуализируется сема "наличие душевных качеств, черт характера ". Также эта сема реализуется при помощи следующих лексем:

– *И ушел тогда Иван к Стеньке Разину и вскоре за подвиги свои получил фамилию Молодцов...*[СВВ, 2002, 383].

Обращают на себя внимание имена, которыми назван добрый молодец - *Иван, Микула*. Оба антропонима ассоциируются с именами мифологизиро-

ванных персонажей русской богатырской сказки, былины, эпоса - это Иван-богатырь и Микула Селянинович. Вот что говорится об имени Иван в "Русском мифологическом словаре" (отметим наиболее важные черты): «Иван - обобщенный тип положительного героя. Герой не ищет блага для себя, а вступает на путь бескорыстной борьбы со злыми силами. Он верен традициям древнего материнского, а не патриархального рода, который повлек за собой утверждение "мужской" власти и семейное неравенство» [Шуклин, 2001, 135-136]. То есть имя становится типовым, указывая на обобщенно-человеческую природу персонажа.

Микула Селянинович определяется как «сродни первовеликанам былинный богатырь-земледелец, обладающий огромной силой» [Шуклин, 2001, 217]. Исходя из контекста преданий и легенд, можно говорить, что данный образ позиционируется именно как образ положительного героя, обладающего силой, сродни богатырской, защитника матери-земли Волжской. То есть актуализируется сема "наличие физических качеств", которая реализуется при помощи следующих лексем:

– *Увидели чудо: перед ними не люди, а два **высоких** утеса с **отвесными скалами**. Встали они на крутом берегу **неприступной стеной**...* [СВВ, 2002, 383].

– *Поднялся Иван на **высокий курган**, увидел, что окружен* [СВВ, 2002, 383].

Вообще передача имен человека местности и обращение героев в камни – одни из основных сюжетных мотивов, выступающих в жанре предания. Ведь предания отражают людское отношение к природе, утверждают ее особую роль в жизни человека.

Топоним *Девья гора* сопровождается такими лексемами, конкретизирующими их семантику, как *девушка, подруга*. Причем данные существительные не выступают в составе словосочетаний, описывающих внешность. Лишь исходя из контекста повествования, мы можем говорить, что это чаще образ несчастной влюбленной девушки с горькой судьбой. Несмотря на это,

в этнонимической лексеме *Девья гора* можно выявить следующие семы: "наличие физических качеств, внешних черт", "наличие духовных качеств, внутреннего мира", "высокий социальный статус", "элемент одиночества".

Сема "наличие физических качеств, внешних черт" реализуется при помощи следующих лексем:

– *Увидели чудо: перед ними не люди, а два **высоких** утеса с **отвесными скалами**. Встали они на **крутом берегу неприступной стеной**...* [СВВ, 2002, 383].

– *Увидела их девушка, взбежала на соседнюю **горку** и тоже бросилась с обрыва. С тех пор и называют курган Молодецким, а **небольшой холм**, прижавшийся к кургану, – **Девьей горой*** [СВВ, 2002, 384].

– *Я обовью тебя **моими зелеными волосами**, зацелую **сине-голубыми глазами**, нашепчу, лаская, сказку зорь... об одной никогда неизменной, неумирающей любви...* [СВВ, 2002, 417].

В различных текстах *Девья гора* наделяется такими внешними качествами, как высокая (*два высоких утеса, неприступной стеной*) и небольшая по размеру (*горка, небольшой холм*). В последнем случае мы видим ее отличие от Молодецкого кургана, который всегда обладает более выраженными физическими данными.

В последнем примере образ *Девьей горы* персонифицируется, наделяется человеческими качествами: *зеленые волосы, сине-голубые глаза*.

Рассмотрим лексемы, при помощи которых реализуется сема "наличие духовных качеств, внутреннего мира":

– *Бросила Груня отчий дом и через день **прискакала к нему на вороном коне*** (конь как символ духовной свободы, вольнолюбия)...

– *И **чутьем она все поняла**;*

– ***Сердце забило, застучало, переполненное ревностью, и не выдержала**;*

– *Взяла и **столкнула милого, не помня себя, в Волгу**;*

– *Скоро ей стало жаль Соловья. И стала плакать и звать, причитая жалобно... И так до самой утренней зари звала и плакала. А на заре сама вслед за ним бросилась в Волгу;*

– *...только в ту ночь и слышно, как плачет, причитая на Девьей горе, девушка!* [СВВ, 2002, 416-417].

Таким образом, исходя из контекстного употребления данной лексемы, мы можем говорить, что *Девьей горе*, представляющей топоним, относящийся к кластеру «Свое», присущи такие душевные качества, как вольнолюбие, чуткость, ревность, жалость, имеющие следующие лексические толкования: *чутье* - познавать чувствами, ощущать, чувствовать, слышать, особенно осязанием, обонянием, вкусом, также слухом, но не зрением [Даль, 1956, 616]; *ревность* - мучительное сомнение в чьей-нибудь верности, любви [Ожегов, Шведова, 1961, 664]; *жалость* - сострадание, соболезнование [Ожегов, Шведова, 1961, 184].

Сема "высокий социальный статус" в контексте реализуется лишь единжды:

– *Полюбил добрый молодец Иван девушку Груню, дочь богатого купца из села Усолье...*

– *Но привел отец Груни по тайным горным тропам царские войска, и были разбиты разинцы* [СВВ, 2002, 384].

Рассмотрим лексемы, при помощи которых реализуется сема "одиночество":

– *Бросила Груня отчий дом, через день прискакала к нему на вороном коне* [СВВ, 2002, 384];

– *Почувствовала она, что изменился к ней милый, но причины измены не знала..;*

– *Каждую ночь вслушивалась она в шепот гор и прибой волн...пели они свои песни, но не было в них ответа..;*

– *Каждую ночь смотрела в его лицо - силилась разгадать, найти ответ, причину измены, но оно было непроницаемо..;*

– *Мой милый, дорогой, любимый последней любовью друг - жизнь и гибель твоя и моя, как и радость моя с твоей неразлучны* [СВВ, 2002, 416-417].

Рассмотрим лексические значения некоторых слов в «Словаре русского языка» С.И.Ожегова и Н.Ю.Шведовой (М; 1961): *бросить* - уйдя, оставить, покинуть (с. 58); *измена* - нарушение верности кому-чему-нибудь (с. 237); *непроницаемый* - такой, куда нельзя проникнуть взглядом, а также недоступный пониманию, скрытый (с. 399).

4. Среди географических реалий – представителей «своего» мира – важно также отметить следующие гидронимы: *река Ра* (древнее название реки Волга), *Днепр*, *Двина*, *Кама*, *Камышинка*. Данные гидронимы, как и отмеченные выше географические названия (*река Волга*, *Молодецкий курган* и *Девья гора*), обращают на себя внимание тем, что представлены в виде художественных аналогов - художественных персонификаций. Все рассматриваемые нами топонимы антропоморфизированы, они являются самостоятельными действующими лицами, что соответствует отмеченной выше жанровой специфике легенд и преданий. Наглядность персонифицированных образов в текстах преданий и легенд увеличивается за счет образной детализации: *Река Ра* *говорит, отвечает; Кама* *спорила, уговорила, думала; Волга* *вздыхает, она мощная, тяжелая; Молодецкий курган* - *добрый молодец, высокий, полюбил; Девья гора* - *девушка, подруга, дочь, смотрела, силилась разгадать, чутьем она все поняла, плачет, зовет, причитает и т. д.* За счет такой конкретизации физических черт и душевных качеств создается вещественная осязаемость данных образов, что позволяет задержать на них внимание слушателя.

Таким образом, можем говорить, что географические реалии фольклорного текста художественно конкретизируются, предстают в виде живых образов, которые действуют и чувствуют, как реальный человек.

Тексты легенд и преданий сохраняют архаические анимистические представления в виде персонифицированных образов. Ярким примером это-

му могут послужить образы рек – *Днепра, Волги, Северной Двины* и *Камышинка*:

– *Днепр - брат, Волга и Двина - его сестры, остались они сиротами, натерпелись всякой нужды и придумали пойти по белу свету и разыскать для себя такие места, где можно было бы разлиться большими реками; ходили три года, разыскивали места и приостановились все трое ночевать в болотах; сестры были хитрее брата; едва Днепр уснул, они встали потихоньку, заняли самые лучшие, отлогие местности и потекли реками; проснулся поутру брат, смотрит - далеко его сестры, рассерженный ударился он о сыру землю; чем дальше бежал, тем больше злился; за несколько верст до впадения гнев его утих, и он спокойно вступил в морские пучины; а две его сестры разбежались в разные стороны* [СВВ, 2002, 389].

– *Протекала, пролегла мать Камышенка-река. /Она устьищем впадала в Волгу-матушку реку* [СР, 1979, 28]

В данном контексте географические реалии приобретают сему "родственные связи": *брат* - сын тех же родителей или одного из них по отношению к другим их детям [Ожегов, Шведова, 1961, 55]; *сестра* - дочь тех же родителей или одного из них по отношению к другим их детям [Ожегов, Шведова, 1961, 705].

В этих же лексемах-гидронимах выявляется сема "социальный статус": *сироты* - ребёнок или несовершеннолетний, у которого умер один или оба родителя [Ожегов, Шведова, 1961, 709]. Сема "наличие душевных качеств, черт характера" реализуется с помощью следующих лексем: *хитрее* (хитрый) - изворотливый, скрывающий свои истинные намерения, идущий обманными путями [Ожегов, Шведова, 1961, 849]; *рассерженный* (сердитый) - склонный сердиться, раздражительный [Ожегов, Шведова, 1961, 703]; *злился* (злиться) - испытывать злость [Ожегов, Шведова, 1961, 226] ; *гнев* - чувство сильного возмущения, негодования [Ожегов, Шведова, 1961, 130]; *спокойно* (спокойствие) - отсутствие волнения, шума, тишина, покой [Ожегов, Шведова, 1961, 747].

Древние анимистические представления проявляются и в примерах взаимодействия представителей животного мира и мира неживой природы:

– *Кама с Волгой спорила...*

– *...поднялась Кама на хитрости; уговорила она с коршуном* [СВВ, 2002, 390].

Реже в преданиях и легендах волжского края встречаются следующие топонимы: *село Усолье, Самарская губерния, Ставропольский уезд, село Урайкино, Студеный овраг, река Сок, Царев Курган, Худояров городок, Сенгилеевский уезд, Сенгилей, Лысая гора, Лыковая гора, курган Гарифа* и др. Данные лексемы не имеют в тексте образного художественного наполнения. Они выступают в текстах лишь как названия реальных географических объектов. В многообразии их употребления и проявляется информативная функция преданий и легенд, которая реализуется в конкретных географических названиях, подчеркивая их непосредственную связь с действительностью. «В несказочной прозе, независимо от того, имеет ли рассказ дидактический, морализующий, патриотический характер, приоритет имеет познавательный момент. Это, прежде всего, сообщение, то есть семантическая информация. Их объединяет общая доминантная функция: дать информацию, сообщить о происшествии, случае, герое, духе, святом» [Померанцева, 1975, 76]. «...Эстетическая функция всегда имела для них подчиненное значение. Важнее было, что передать, а не как рассказать; до слушателей надо было, прежде всего, довести самый факт и его смысл» [Азбелев, 2005].

5. Наряду с именами собственными – названиями географических реалий, представляющими кластер «Свое», в текстах волжских легенд и преданий употребляются лексические единицы с этнонимической семантикой, выступающие в составе составных наименований, представляющих "свой" мир. Такими реалиями являются *русские княжества, русская земля, поля родные и лес, родина, свое село, свой курган, свое селище, русская деревня.*

Этническая семантика в этих составных наименованиях выражается с помощью слов *русский, родной, свой*. Эти лексемы – ряд тематически связанных понятий. Все они непосредственно относятся к кластеру "Свое".

Этноним *русский* не просто лексема с определенным значением (русский - относящийся к России [Краткий толковый словарь русского языка, 1995, 581]). «Употребление этнонима вызывает в сознании свернутые в единый образ воспоминания о предшествующих контекстах его употребления, оценки соответствующих референтов и отношение к ним и т.п. Такая ретроспективная интертекстуальность присуща, разумеется, не только этнонимам, но и в принципе всем словам. Однако в данном случае лексема-этноним характеризует одного из возможных участников коммуникации. Более того, она приписывает возможному собеседнику классификационные признаки еще до вступления в коммуникацию, и последствия этой антиципации прослеживаются на протяжении всего коммуникативного акта, события или ряда событий. Предписывание понимания и отношения к возможному коммуниканту можно было бы назвать эффектом опережающей интертекстуальности. В определенном смысле, совокупные индивиды (нации) также состоят в коммуникативных отношениях в рамках постоянно текущего процесса межкультурной коммуникации, взаимное определение ролей в которой управляется этнонимами и вызываемыми ими стереотипами» [Кашкин, 2000, 62]. Таким образом, можем говорить, что, называя, идентифицируя себя (в данном случае лексемой *русский*), народ проводит границу своей культуры, своего этнокультурного пространства.

Определительное местоимение *свой* имеет следующее толкование: *свой* – 1. Принадлежащий себе, имеющий отношение к себе. 2. Собственный, составляющий чье-н. личное достояние. 3. Своеобразный, свойственный только чему-н. одному, данному. 4. Подходящий, свойственный чему-н., предназначенный именно для данного обстоятельства, предмета. 5. Родной или связанный близкими отношениями, совместной деятельностью. 6. То, что принад-

лежит, свойственно или присуще кому-чему-нибудь [Ожегов, Шведова, 1961, 696].

Иными словами, *свой* - это исключительно собственный, своеобразный, родной, имеющий отношение к себе.

Лексема *родной* толкуется как - 1. Состоящий в прямом (кровном) родстве, а также вообще в родстве. 2. *Свой* по рождению, по духу, по привычкам [Ожегов, Шведова, 1961, 674].

Этнонимическая лексема *родной* во втором значении толкуется как *свой по духу*, то есть *свой* по мировоззрению, ментальности.

Таким образом, констатируем, что лексемы *русский, свой, родной* входят в некое ментальное пространство, определяемое как "Свой" мир. «Это пространство определяется как 'наше', 'свое', 'культурное', 'безопасное', 'гармонически организованное' и т.д.» [Лотман, 1996, 175].

В текстах данные этнонимы употребляются в составе с такими объектами, как *княжества, земля, поля, лес, родина, село, курган, селище, деревня*. Эти объекты являются говорящими сами по себе, обозначая важнейшие реалии - в моральном или эстетическом плане.

Резюмируем. Мы рассмотрели лексические единицы - топонимы и географические названия, представляющие в текстах волжских преданий и легенд этноним *волжский*, которые можно объединить в группу этнонимической лексики, представляющий данный этноним: *Волга, Жигулевские горы, Молодецкий курган, Девья гора, река Ра, Днепр, Камышинка, Двина, Кама, село Усолье, Самарская губерния, Ставропольский уезд, село Урайкино, Студеный овраг, река Сок, Царев Курган, Худояров городок, Сенгилеевский уезд, Сенгилей, Лысая гора, Лыковая гора, курган Гарифа*.

Наиболее частотными, а, следовательно, и показательными для текстов волжских преданий и легенд являются лексемы *Волга, Жигулевские горы, Молодецкий курган, Девья гора*. Именно с их помощью выявляется специфика непосредственно волжского характера и в целом – волжской ментальности. Лексема ***Волга*** сопровождается такими атрибутами, как *мощная, бур-*

ная, матушка. *Жигулевские горы* - древние, державные, величественные, великие, тайные, твердые, неподатливые. *Молодецкий курган* - добрый молодец, высокий, неприступный. *Девья гора* - девушка, дочь богатого купца, небольшой холм, горка; ей присущи такие качества, как чутье, ревность, жальность, вольнолюбие.

Данные атрибуты носят описательный характер и являются самыми значимыми в описании волжского края. Можно сказать, что народное поэтическое сознание воспринимает "свою" волжскую "родину", как обособленное этническое сообщество, характеризующееся бурным, твердым, вольнолюбивым характером. Волжская сторона позиционируется как мощная, величественная, неподатливая, неприступная крепость. Такое гиперболизированное описание вообще характерно для жанра легенды, которая, как известно, отличается поэтическим вымыслом, одновременно претендуя на достоверность.

Описав и проанализировав лексем-топонимы и географические названия, приходим к выводу, что все "свое" волжское воспринимается народным поэтическим сознанием в большинстве случаев однозначно положительно. Рассмотренные лексем, как правило, в обязательном порядке включают в свою семантическую структуру сему положительной оценки. Наиболее типичными являются следующие семы: "наличие физических качеств", "наличие душевных качеств, черт характера", "социальный статус", "родственные связи". Наличие данных сем указывает на то, что лексем - топонимы и географические названия (а именно *Волга, Жигулевские горы, Молодецкий курган, Девья гора, река Ра, Днепр, Двина, Кама*) в текстах одушевлены, антропоморфизированы.

«Их поведению и действиям приписывается антропоморфный смысл. В своих состояниях и положениях они предвещают, предсказывают либо провоцируют состояния и положения человека» [Червинский, 1989, 93]. То есть сквозь призму описания лексем-топонимов и географических названий просматриваются и воплощаются идеальные образы, порожденные народным

поэтическим сознанием, что обуславливается самой спецификой жанров - предания и легенды.

2.1.2. Лексемы, обозначающие персонажей текста

В данном параграфе мы рассматриваем один из пластов этнонимической лексики – персонажей преданий и легенд волжского края, представляющих кластер "Свое".

Проанализировав тексты волжских преданий и легенд, мы можем говорить о том, что наиболее регулярными представителями «своего», волжского мира в данных жанрах повествовательного фольклора являются следующие персонажи: *мужик (крестьянин), богатырь, молодец, княжна, молодая вдова, девушка*. К персонажам текста волжского повествовательного фольклора относится также реальный исторический персонаж – *Степан Разин* – и его войско. Это самые значимые лексемы данной тематической группы, представляющие этноним *волжский*.

1. В подавляющем большинстве случаев главным героем преданий и легенд становится *мужик (крестьянин)*. Это некий обобщенно-типизированный образ человека – носителя определенного социального статуса. При этом данный персонаж не наделяется в текстах преданий и легенд определенными физическими качествами. Мы практически не находим описания его внешности, лишь иногда в текстах встречается описание его одежды:

– *Появилось несколько мужиков в рванных домотканых одеждах.* [СВВ, 2002, 388].

Это подчеркивает то, что в этническом сознании народа в обобщенном образе мужика как представителя крестьянского мира важное место отводится не внешнему облику героя, а его внутренним качествам. «Раскрывая "понятия о красоте у простого народа", Чернышевский проницательно заметил, что в народной поэзии прекрасное обусловлено, в конечном счете, представлениями крестьянина о нормальной трудовой деятельности. В основе

эстетического идеала народной поэзии, по Чернышевскому, лежат стремления крестьянина к "жизни в умеренном довольстве при работе, не доходящей до изнурительности» [Гусев, 1967, 279].

Таким образом, можно говорить, что в этнонимической лексеме *мужик* выявляется лишь одна сема "наличие душевных качеств, черт характера", реализующаяся при помощи следующих (наиболее ярких) атрибутов: *набожный, замаливать, кланяться, молчать, пахать*.

– *Дивный это был человек: набожный, бранных слов не употреблял никогда, хмельного в рот не брал, к бабам не ласкался, а каждую бабу все звал и величал по имени и по отчеству: старуху - бабушкой, молодую - молодой, а девку - красной девицей. Деньги никогда в шкатулку не клал, а возил серебро и медь в мешках и ставил их под образницу, на пол, и не боялся, чтобы кто у него их украл, или бы кто в дороге его обидел* [СВВ, 2002, 394].

Непременной характеристикой персонажа становится его набожность. *Набожный* человек в словаре у Даля характеризуется как «искренне благоговейный перед святынею; почитающий Бога; богобоязненный, богомольный» [Даль, 1956, 380]. Нарушение церковных заповедей становится для него большим грехом:

– *У того и руки и ноги затряслись, и ружье из рук выпало. Пошел он после того в монастырь грех свой замаливать* [СВВ, 2002, 401].

Даная характеристика напрямую соотносится с жанровой спецификой легенды. Легенда всегда отражает действительность сквозь призму того или иного верования, с точки зрения соответствия христианским нормам жизни. Главная задача жанра – подкрепить верование.

Трудолюбие также является неотъемлемой чертой *мужика-крестьянина*:

– *Дурной компании избегал, в праздничный день до обедни торговал. Возил он свой товар на шести лошадях и один-одинешенек; при нем работника даже не было* [СВВ, 2002, 394];

– *Пахал мужик около самой Волги...* [СВВ, 2002, 417];

– *Поехал он пахать, пшеницу сеять. Рассеял...и за собой борону возит...* [СВВ, 2002,428].

В образе мужика можно отметить также такие качества, как *покорность, кротость*, которые входят дополнительными семами в семантический объем этнонимической лексемы *мужик*:

– *Мужики кланялись, но молчали...*

– *Мужики молча упали в ноги: "Хочешь казни, хочешь - милуй"...*

– *Мужик не отвечал...*

– *Вынул вместо трех рублей один рубль и отдал мужикам. Мужики чуть не плачут...* [СВВ, 2002, 388].

Итак, обобщим некоторые наиболее типичные черты, характерные для *мужика-крестьянина* в волжских преданиях и легендах. Необходимо отметить отсутствие описания и оценки внешности - своеобразная типизация персонажа. Духовный мир характеризуется такими чертами, как набожность, трудолюбие, покорность.

2. Вторая частотная этнонимическая лексема, представляющая персонажей, относящихся к кластеру «Свое», – это *богатырь*. «Образы богатырей рисуются односторонними и несколько схематичными, причем раскрываются в этих образах только те качества, которые характеризуют их как русских богатырей. Обладая огромной обобщающей силой, образы богатырей, по существу, лишены сколько-нибудь заметной индивидуализации» [Лазутин, 1989, 121].

Семантический объем лексемы *богатырь* характеризуется следующими семами: "наличие физических качеств", "защитник", "принадлежность к определенной этнической группе".

Главный прием в его изображении - гипербола. С помощью гипербол рисуется невероятная физическая сила богатыря. В анализируемых фольклорных текстах с помощью приема гиперболы создается идеализированный образ *богатыря*:

– *Хозяева судов дорожили его страшной силой: работал он за четверых и получал паек тоже за четверых. Про силу его на Волге рассказывают чудеса* [СВВ, 2002, 390-391];

– *Появился раз в Москве богатырь; никто на бою с ним сладить не мог* [СВВ, 2002, 392];

– *Выпало бить богатырю-бойцу* [СВВ, 2002, 393].

Следует отметить формульный характер описания портрета богатыря. В описании используются устойчивые формульные характеристики, с помощью которых и реализуется сема "наличие физических качеств": *страшная сила, работал за четверых, никто с ним сладить не мог, боец.*

«Высшей степени гиперболы достигали в кульминации былинного сюжета - изображении боя. Здесь появлялась типическая формула (locus commutis): богатырь хватает то, что подвернулось ему под руку (шапку с буйной головы, палицу боевую, дубиночку и даже татарина) и начинает этим помахивать» [Азбелев, 1982, 238]. Приведем примеры из анализируемых волжских фольклорных текстов:

– *Он подпустил их вплоть; трухменцы полезли с лодки на борт, а Ломов тем временем, не будя товарищей, распорядился по-своему: взял шест и ждет. Как только показалось с десяток трухменских голов, он размахнулся вдоль борта и смел их в воду. Другие полезли - то же...;*

– *Взял небольшой запасной якорь с кормы да в лодку и кинул. Якорь был пудов пятнадцать; лодка с трухменцами потонула...;*

– *Никитушка Ломов видит, что словами ничего не поделаешь; подошел к воротам, взял подворотню и давай ею возы раскидывать во все стороны; Подошел, раза три качнул (а якорь не меньше как в двадцать пять пудов) и выворотил якорь с землей вместе. Взял якорь на плечо и попер его в гору* [СВВ, 2002, 391];

– *Вот он развернулся да как ударит - казачка посинела вся и упала* [СВВ, 2002, 393].

Сема "защитник" реализуется выделенными лексемами в следующих примерах:

– *Я сам с ними управился..;*

– *Дайте-ка я вам помогу..;*

– *Ходит Ломов по палубе и **посматривает*** [СВВ, 2002, 391].

Сема "принадлежность к определенной этнической группе" реализуется при помощи этнонимической лексемы на *Волге*:

– ***На Волге** в тридцатых годах ходил силач-бурлак Никитушка Ломов.*

Про силу его на Волге рассказывают чудеса [СВВ, 2002, 391-392].

Исходя из сем, составляющих семантический объем лексемы *богатырь*, можно говорить о том, что образ богатыря в волжских легендах и преданиях - это типичный образ богатыря русских былин с его обобщенными качествами: сильный, могучий, с невероятными способностями, это идеальный герой, воплощающий народные представления о защитнике Родины. Вообще богатырь один из излюбленных героев произведений фольклорных жанров, и в народном творчестве он оценивается высоко положительно.

3. Рассмотрим следующего персонажа – *молодца*. В его описании отмечается двухмерность восприятия внешности и характера человека, «эмплицитная и имплицитная представленность оппозиции внутренне-внешнее, наружность - духовный мир» [Богуславский, 1994,104].

Семантический объем лексемы *молодец* формируется группой сем, представляющими комплексную характеристику персонажа – *молодца*: это семы "наличие определенных внешних данных", "наличие физических качеств", "наличие определенных душевных качеств".

Сема "наличие определенных внешних данных" реализуется при помощи слов и сочетаний: *красавец, голова курчава, волосы, как кольца золотые, белый, румяный, полный, кровь с молоком, дюжий, в плечах по сажени.*

«Оценки мужской внешности большой степени эмоционально-эстетического воздействия могут выражаться существительным *красавец*. Такое

употребление существительных также подчеркивает комплексность оценки» [Богуславский, 1994, 105]:

– *А он был красавец, писанный глазок!* [СВВ, 2002,408].

Словосочетание *писанный глазок* также является устойчивой фольклорной характеристикой внешности, выражающей высокую положительную эмоционально-эстетическую оценку.

Характеристика и оценка "деталей" внешности дается посредством постоянных эпитетов и формульных сравнений:

– *Голова была вся курчава, а эти волосы, как кольца золотые вились. Белый, румяный, полный, кровь с молоком; одно слово - молодец!* [СВВ, 2002,408].

– *Несмотря, что извозчики парни дюжи - молодец к молодцу, кажись, в плечах по сажени будет* [СВВ, 2002, 410].

Данные примеры отражают типичное, характерное для народного сознания эстетическое представление о красоте героя-молодца, то, что В.М.Богуславский определяет как «национальный художественный образ внешности», отраженный в фольклорном тексте. «Национальный художественный образ внешности - это совокупность исторически сложившихся эстетических представлений в рамках данной национальной культуры о привлекательном облике человека. Эти представления образны, типизированы, социально и эмоционально окрашены, экспрессивны, подвержены исторической изменчивости» [Богуславский, 1994, 77].

Высокую положительную оценку мужской внешности выражают также существительные и глаголы, подчеркивающие обладание большой физической силой и телом больших размеров. В данном случае при помощи лексем - *бьется, брыкается, удержать не могут, силища, поднатужился да ахнет* - представлена сема "наличие физических качеств":

– *Тут пришли человек пять соседних извозчиков и ломовых, и выездных, кое-как стащили его с сеновала за руки за ноги, а он бьется, брыкается, удержать не могут и пять человек. Вот так силища была!;*

– *А он их так на себе и носит;*

– *Кое-как связали вожжами руки назад, повалили на спину; один стал держать за голову, другой придавил ему брюхо, а трое стали ноги вязать; как он плечами-то поднатужился да ахнет - вожжи-то, как нитки, хрустнули! Не знают, что с ним делать [СВВ, 2002, 410].*

Сема " наличие определенных душевных качеств" полностью находит свое выражение в лексеме *молодец*, которая воплощает в себе все внутренние достоинства молодого человека: доброту, порядочность, верность долгу, смелость, решительность и т. д.

Лексема *молодец* может выступать вместе с выделительными оценочными лексемами, подчеркивающими силу его эмоционального воздействия на окружающих:

– *А уж бандурист был какой - заслушаешься!; Плясовую заиграет - не удержишься!; Как лазорев и маков цвет, любо посмотреть! [СВВ, 2002, 408].*

Обобщим основные семантические признаки, положительно характеризующие мужскую внешность. «Эти оценки носят комплексный характер, раскрывают не только особенности внешности, но и внутренний мир персонажа. В основном эти оценки носят реалистический характер и являются более сдержанными в эмоционально-экспрессивном плане, что объясняется взглядами общества на роль и предназначение мужчины, в котором видели прежде всего работника, кормильца, защитника. В соответствии с этим предназначением рисовался и его внешний облик - высокий рост, статность, дородность, большая физическая сила в сочетании с такими качествами характера, как смелость, решительность, удаль, предприимчивость, умение расположить к себе других» [Богуславский, 1994, 108].

Одна из важных характеристик внешности – цвет лица и тела. Румянец на лице (*румяный, кровь с молоком*) оценивается положительно, как и белый цвет кожи (*белый, руки белые*). «Постоянному эпитету *белый* приписывалось не только значение, указывающее на отношение к белой расе, но и зна-

чение, указывающее на принадлежность к высшим слоям общества, социальное происхождение» [Богуславский, 1994, 108]. Украшают героя обычно *золотые кудри*.

Такова, в общих чертах, характеристика внешности молодца в волжских преданиях и легендах.

4. Женские персонажи наиболее ярко представлены образами *княжны* и *молодой вдовы*, реже - *молодой девушки*.

Часто лексема *княжна* выступает в составе сочетаний *княжна Волги*, *княжна - Стенькина жена*. Семантический объем лексемы *княжна* формируется группой сем: "привлекательная внешность", "наличие определенных душевных качеств, внутреннего мира", "высокий социальный статус".

Способом обозначения привлекательной внешности героини служит существительное *красавица* в составе словосочетания *красавица-княжна*:

– *В одном из своих походов в Персию пленил Степан Разин красавицу-княжну и, поднимаясь вверх по Волге, сыграл здесь свадьбу* [ССВ, 2002, 384].

Это существительное вне контекста выражает высокую положительную оценку. В словаре дается такое толкование слова *красавица* – «свойство прекрасного, отвлеченное понятие красивого, изящество. Соединение истины и добра рождает премудрость, в образе красоты» [Даль, 1956, 185].

В описание *княжны* также входит такой семантический признак, как «красивая одежда». Этот признак подчеркивает образ *красавицы-княжны*:

– *Как услышала княжна, велела подать наряд шелковый, который Стенька ей подарил* [СВВ, 2002, 415].

Шелк на Руси являлся роскошной ценной тканью, символом необычной красоты.

Сема "наличие определенных душевных качеств, внутреннего мира, состояния" реализуется посредством лексем *стонала*, *плакала*. Приведем пример:

– *Стонала княжна, стонала и плакала, а плакала потому, что слышала, как Стенька, прикованный цепями, терзался, мучился...* [СВВ, 2002, 413].

Стонать – охать, кряхтеть, болезненно вздыхать, плакать, тужить, горевать [Даль, 1956, 329]. *Плакать* – проливать слезы, обычно издавая жалобные, нечленораздельные голосовые звуки, плач [Ожегов, Шведова, 1961, 510]. Данные лексемы определяют такие внутренние качества и состояния, как жалость, страдания, душевные муки, терзания. Практически во всех текстах данный персонаж сопровождается вышеперечисленными глаголами, из чего можно сделать вывод, что героиня – молодая княжна – в текстах волжских преданий и легенд несчастна, печальна.

Примечательно, что образ княжны неразрывно связан с таким мифическим фольклорным персонажем, как *вода*:

– *И тогда повелел Степан Разин бросить княжну в воды и начать новый пир, в честь прежней вольной жизни;*

– *А тут вот, здесь острова, это ее Мирный город, здесь ее склады, и разные помещения. Тут и кубки и золото, и все те драгоценности, что Стенька бросал ей в подарок... И все, что падало вместе с утонувшими пароходами и баржами на Волге,- все собрала сюда* [СВВ, 2002, 413].

«Вода - это граница между мирами: небом и землей, потусторонним миром. Именно через воду в большинстве мифологических систем проходил путь в загробное царство, где обитали души умерших и разнообразная нечистая сила. Из глубокой древности происходит также представление о том, что после смерти душа человека погружается в воду. Вода из источника считалась целебной и использовалась как оберег от враждебных человеку сил» [Капица, 2001, 24-25].

Таким образом, можно заключить, что данный персонаж - *княжна* - выступает не только одним из атрибутов «своего», волжского мира, но и символом мира "пограничного", в данном случае волжского, как принадлежащего водной стихии – *Волге* в широком смысле.

5. Перейдем к рассмотрению следующих женских персонажей, представляющих кластер «Свое» в волжских преданиях и легендах, – это *молодая вдова* и *девушка*. Описания этих персонажей практически схожи. Выделяются семы "привлекательная внешность", "наличие определенных душевных качеств, черт характера".

Сема "привлекательная внешность" реализуется посредством эпитетов *красивая, красавица*, номинирующими ее личность. «Этот эпитет характеризует не только большую привлекательность внешности, но и душевные качества героини» [Богуславский, 1994, 98-99]. В текстах волжских преданий и легенд мы встречаем следующие примеры с описанием внешности данных персонажей:

– *Суровая была, а красивая*; [СВВ, 2002, 409-412];

– *Это отцу с матерью стало известно, и задумали они сына женить, и нашли ему невесту хорошего роду и племени, и богатых родителей, девушку красивую, степенную* [СВВ, 2002, 409-412];

– *А у Марины знали, что у ней характер крутой был, и она старше была летами Ивана Курчавого и что-то красавица - все-таки вдова, а не девка* [СВВ, 2002, 409-412];

– *А Ивану Курчавому что-то не жилось с молодой женой, хоть и красавица была, да, видно, душе не мила* [СВВ, 2002, 409-412].

В волжских фольклорных текстах встречаются и такие описания внешности, которые позволяют конкретизировать признаки, входящие в представления об идеале женской красоты. Нередки описания внешности, приближенные к реальности:

– *Суровая была, а красивая: сдобная, чернобровая, черноглазая; лицо, что твой фарфор, а румянец во всю щеку так и играл, так и играл..;*

– *Взгляд был пронзительный..;*

– *Диковинное дело, какие глаза бывают!* [СВВ, 2002, 409].

В понятие красоты добавляются такие семантические признаки, как *суровая внешность, пронзительный взгляд*. Это выражается через такие язы-

ковые средства, как сложные эпитеты (*чернобровая, черноглазая*), сравнения (*лицо, что твой фарфор*), метафоры (*пронзительный взгляд*).

Отдельные "детали" внешности снабжены постоянными эпитетами, отражающими эстетические воззрения волжского народа на женскую красоту: *тело, руки, грудь - белые (обойми меня **рукой белой**)*, *очи - ясные, брови - черные*. Постоянный эпитет являет предмет определенным, наделенным характерным, постоянным признаком. «Функция постоянных эпитетов... быть соответствующим норме» [Никитина, 1993, 67].

Необходимо отметить и дополнительные признаки женских характеров, определяемые контекстом:

- ***Суровая** была..;*
- *Такой-то у нее был **взгляд: насквозь человека пронзит..;***
- *Марина этого Ивана Курчавого **любила и ревновала** ко всякой девке и бабе [СВВ, 2002, 409];*
- *А у Марины знали, что у ней **характер крутой был..;***
- *...девицу красивую, **степенную** [СВВ, 2002, 410].*
- *Осталась его молодая жена, стала по мужу **плакать да тосковать** [СВВ, 2002, 412].*

Остановимся подробнее на лексических толкованиях выделенных лексем, представленных в «Словаре русского языка» С.И.Ожегова и Н.Ю.Шведовой (М; 1961). *Суровая* – очень строгая, серьезная (с. 769); *любить* – испытывать любовь к кому-чему-нибудь (с. 324); *ревновать* – испытывать чувство ревности (с.664); *крутой* (характер) – суровый, строгий (с.301); *плакать* - проливать слезы, обычно издавая жалобные, нечленораздельные голосовые звуки, плач (с. 510); *тосковать* – испытывать тоску, томиться тоской (с.792). *Пронзительный взгляд* – сквозящий, проникающий сквозь [Даль, 1956, 499]; *степенная* - не вздорная, рассудительная, ровная нравом [Даль, 1956, 322].

Таким образом, можем констатировать, что женским образам в волжских преданиях и легендах присущи, наряду с общефольклорными признака-

ми, также такие качества, как умение любить, ревновать, суровый, строгий характер, пронзительность, жалость, рассудительность, степенность.

6. Героem волжских легенд и преданий является известный исторический персонаж – *Степан Тимофеевич Разин*, известный также как *Стенька Разин* (Стенька – уменьшительное «полуимя» от Степан). Этим именем Разина как преступника именовала официальная пропаганда того времени, но под этим же именем он нередко выступает и как герой произведений фольклора.

В его характеристике реализуются семы "социальный статус", "наличие определенных черт характера".

Сема "социальный статус" находит свое воплощение в том, что данный персонаж в текстах волжских легенд обозначается такими лексемами, как *атаман, разбойник (разбойничек)*. *Атаман* - главарь, предводитель [Ожегов, Шведова, 1961, 29]; *разбойник* - человек, который занимается разбоем, грабитель [Ожегов, Шведова, 1961, 631].

Лексема *разбойничек* «имеет характерный для фольклора уменьшительно-ласкательный суффикс субъективной оценки, выражающий положительное отношение к персонажу» [Артеменко, 2001,90].

Данные слова (*атаман, разбойник*) в своем значении не содержат положительную коннотацию, но, тем не менее, в сознании волжского народа Разин предстает именно как положительный герой:

– *"Не гневайся, великий государь, - проговорил мужик. - А сказывают в народе - был он добрый"* [СВВ, 2002, 388];

– *И полюбил народ Разина за гульбу и вольность: отместит разбойничек обиду народную!* [СВВ, 2002, 432];

- *На стулу сидит воровской атаман, По имени атаманушка Степанушка, По батюшке Степанушка Тимофеевич, По великому по фамильицу Степан Разин* [СР, 1979, 16].

Непременными атрибутами, сопровождающими персонаж, является войско Разина - *товарищи атамана, друзья, Стенькины товарищи, шляхчество (войско), ухачи-воры - товарищи, табор разбойный*. Показательно их отношение к атаману:

– *Приказания его свято выполнялись* [СВВ, 2002, 311].

Свято - с высшим почитанием, поклонением, как что-то бесспорное, неоспоримое [Даль, 1956, 161].

Образ Степана Разина воплощает в себе именно те главные качества, которые присущи волжскому народу: вольнолюбие, свободомыслие. Здесь и реализуется сема "наличие определенных черт характера":

– *Но наутро возроптали товарищи атамана, обвиняя его в предательстве вольной жизни и друзей своих. И тогда повелел Степан Разин бросить княжну в воды и начать новый пир, в честь прежней вольной жизни ...* [СВВ, 2002, 384];

– *Сюда Стенька не мог забраться, он не любил степной стороны, ему нужны были горы да Волга. Гулял Разин, разбойничал...* [СВВ, 2002, 416];

– *И полюбил народ Разина за гульбу и вольность. Ночь ли темная или напрасная кровь замутили разбойную вольную душу* [СВВ, 2002, 432].

Постоянным атрибутом, сопровождающим данный персонаж становится слово *вольность* (вольный) - 1. Свободный, независимый; 2. То же, что свобододолюбивый (устар.); 3. Свободный, ничем не стеснённый; 4. *полн. ф.* Не ограниченный какими-нибудь правилами, нормами, законом [Ожегов, Шведова, 1961, 91].

Часто образ Разина подвергается эпической идеализации, отождествляется с образом богатыря - былинного героя. «Былины еще не знают приемов и принципов реализма. Их метод точнее было бы назвать методом монументализма, основная цель которого - создание идеальных образов богатырей. Все элементы художественной структуры былин, в том числе и их эпитеты, преимущественно подчинены целям идеализации» [Лазутин, 1989, 121]. Приведем пример:

– *Гулял Разин, разбойничал - вострая сабля в руках, за плечами ружье - охотничал разбойничек. Где что попадалось, все тащил, зря не бросал, и не проглядывал, что висло висело. И был у него большой дом - табор разбойный, и хлеба, и одежды, и казны вдоволь, полны мешки серебра. Смолоду было - лизнул он камень заветный и все узнал, что на свете есть. И не знал уже страха. И не было на свете, кто бы погубить его мог, и ни пуля, ни сабля - ничто не возьмет. И Саропский лес преклонился пред ним до земли* [СВВ, 2002, 432].

Характеристика героя приобретает гиперболизированные черты: *казны вдоволь, полны мешки серебра; все знал, что на свете есть; не знал страха; и не было на свете, кто бы погубить его мог, и ни пуля, ни сабля - ничто не возьмет*. Причем гипербола в изображении персонажа воспринимается «не как поэтический вымысел, а как достоверное изображение реальных качеств в их максимальном проявлении» [Селиванов, 1988, 84].

В народном поэтическом сознании Степан Разин предстает словно в образе сверхчеловека. Об этом свидетельствует его способность контактировать с мифическими персонажами:

– *Смолоду было - лизнул он камень заветный и все узнал, что на свете есть; И Саропский лес преклонился пред ним до земли* [СВВ, 2002, 432].

Вот, что говорится об этих лексемах в мифологическом словаре. «Камень - мотив окаменения широко вошел в древнерусскую литературу. Камни использовали в качестве оберегов. Камням приписывали волшебные свойства. Лес - "чужое" пространство. Лес противодействует человеку, населен вредоносными персонажами» [Шуклин, 2001, 152, 190]. *Лес преклонился перед ним, а камень явился его оберегом, словно сама природа покровительствует герою*.

Как уже упоминалось выше, легенда всегда повествует о чудесном. В данном случае чудесное имеет проявление в колдовской неуязвимости народного заступника, в приписывании магических свойств силам природы.

Таким образом, констатируем, что образ Степана Разина воспринимается народным поэтическим сознанием как воплощение волжского вольнолюбия, духовной свободы. Вместе с тем это образ гиперболизированный, наделенный сверхчеловеческими качествами.

Резюмируем. В данном параграфе мы рассмотрели этнонимическую лексику, представляющую кластер «Свое», провели семантико-стилистический анализ тридцати лексем, наиболее ярко отражающих специфику волжских преданий и легенд.

Данные лексеммы объединяются в 2 тематические группы слов: 1) лексеммы-топонимы и географические названия 2) лексеммы, обозначающие персонажей текста.

Группа «лексеммы-географические названия» включает в свой состав лексеммы, представляющие в текстах волжских преданий и легенд этноним *волжский*, которые можно объединить в группу этнонимической лексики, представляющий данный этноним: *Волга, Жигулевские горы, Молодецкий курган, Девья гора, река Ра, Днепр, Двина, Кама, село Усолье, Самарская губерния, Ставропольский уезд, село Урайкино, Студеный овраг, река Сок, Царев Курган, Худояров городок, Сенгилеевский уезд, Сенгилей, Лысая гора, Лыковая гора, курган Гарифа.*

Наиболее частотными, а, следовательно, и показательными для анализируемых текстов являются лексеммы *Волга, Жигулевские горы, Молодецкий курган, Девья гора*. Именно с их помощью выявляется специфика волжского этнического менталитета и характера. Лексема **Волга** сопровождается такими атрибутами, как *мощная, бурная, матушка. Жигулевские горы* - *древние, державные, величественные, великие, тайные, твердые, неподатливые. Молодецкий курган* - *добрый молодец, высокий, неприступный. Девья гора* - *девушка, дочь богатого купца, небольшой холм, горка*; ей присущи такие качества, как *чутье, ревность, жалость, вольнолюбие.*

Данные атрибуты носят описательный характер и являются самыми значимыми в характеристике волжского края. Можно сказать, что народное

поэтическое сознание воспринимает "свою" волжскую родину, как обособленное этническое сообщество, характеризующееся бурным, твердым, вольнолюбивым характером. Волжская сторона позиционируется как мощная, величественная, неподатливая, неприступная крепость. Такое гиперболизированное описание вообще характерно для жанра легенды, которая, как известно, отличается поэтическим вымыслом, одновременно претендуя на достоверность.

Рассмотренные лексемы включают в свою семантическую структуру и сему положительной оценки. Наиболее типичными являются следующие семы: "наличие физических качеств", "наличие душевных качеств, черт характера", "социальный статус", "родственные связи". Наличие данных сем указывает на то, что лексемы - топонимы и географические названия (а именно *Волга, Жигулевские горы, Молодецкий курган, Девья гора, река Ра, Днепр, Двина, Кама*) в текстах одушевлены, антропоморфизированы и положительно окрашены.

Наиболее регулярными представителями группы «лексемы, обозначающие персонажей текста» являются следующие персонажи: *мужик (крестьянин), богатырь, молодец, княжна, молодая вдова, девушка*. К персонажам текста волжского повествовательного фольклора относится также реальный исторический персонаж – *Степан Разин* и его войско. Это самые значимые лексемы данной тематической группы, представляющие этноним *волжский*.

Мужские образы – *мужик (крестьянин), богатырь, молодец* – в волжских преданиях и легендах достаточно типизированы. То есть, можно говорить о том, что они наделяются общефольклорными характеристиками. Это делает мужские образы предельно обобщенными, а в силу этого они практически лишены локальных особенностей.

Образ *Степана Разина* воплощает в себе именно те главные качества, которые присущи волжскому народу: вольнолюбие, свободомыслие. Вместе с тем это образ гиперболизированный, наделенный сверхчеловеческими качествами. Он воспринимается народным поэтическим сознанием как вопло-

щение волжского вольнолюбия, духовной свободы, истинно волжского характера.

Женские образы – *княжна, молодая вдова, девушка* – созданы народным поэтическим сознанием в соответствии с русской фольклорной традицией, с опорой на этнические, ментальные представления, которые воплощены в текстах волжских преданий и легенд.

Русская традиция соизмеряет требования идеальной внешности с внутренними качествами, душой. Именно поэтому в описании женских персонажей актуализируются, прежде всего, такие семы, как "привлекательная внешность", "наличие определенных душевных качеств, черт характера".

Волжская героиня характеризуется такими внешними качествами, как *чернобровая, черноглазая, пронзительный взгляд*; специфическими внутренними качествами - *суровая, ревнивая, с крутым характером, умеющая любить*. В целом же данный образ отличается от общефольклорных представлений о молодой девушке.

Такая оценка несет в себе отпечаток местного колорита, выраженного, прежде всего, в едва уловимых нюансах эмоционального восприятия мира. Это характер, порожденный самой волжской природой – смелый, мудрый, суровый, вольнолюбивый. Вольнолюбие - ключевое слово для описания истории Поволжского региона, который еще в XVI веке назывался Волжской вольницей.

Выявив и проанализировав лексемы, образующие кластер «Свое» в текстах волжских легенд и преданий, можем сделать вывод о том, что этнонимическая лексика в анализируемых текстах отражает в себе волжский народный менталитет, а многие ее элементы входят в ядро фольклорного словаря, представляют собой определенные константы фольклорного мира.

2.2. Этнонимическая лексика, представляющая кластер «Чужое»

В данном параграфе мы рассмотрим лексемы со значением "чужой", не волжский. В подавляющем большинстве случаев "чужим" обозначается все, что находится за пределами Волги - не свое, нездешнее, незнакомое.

2.2.1 Лексемы-топонимы и географические названия

Данную группу представляют как конкретные географические названия, так и реалии с обобщенным характером. Приведем примеры:

– *Но случилось так, что соседей, кочевавших за **Волгой**, обуяла зависть* [СВВ, 2002, 383];

– *Раз один мещанин (жена у него была и дети) переплыл за **Волгу** и забрался в **болота, незнакомые, глухие места*** [СВВ, 2002, 393];

– *По ту сторону **Жигулей**, за пять верст, на Волге был бой* [СВВ, 2002, 393].

Следует обратить внимание, что все "не свое, чужое" несет отрицательную характеристику, которая достигается как контекстуально, так и при помощи лексем с отрицательной коннотацией: *незнакомый* - неизвестный кому-нибудь [Ожегов, Шведова, 1986, 402]; *глухие места* - смутные, затаенные, скрытные [Ожегов, Шведова, 1986, 128]; *болото* - топкое и опасное место, где чаще всего обитают вредоносные силы [Шуклин, 2001, 32].

"Чужой" мир представлен также географическими реалиями: *Оренбургские степи, степная луговая сторона, степная сторона, степь* (то есть противопоставляются земная – степная, не волжская, и водная - волжская стихии); *Турецкое царство, Азовское море, Каспийское море*.

– *Гулял Разин, разбойничал – **Турецкое царство разбил, Азовское море и Каспийское в грозе держал*** [СР, 1979, 15].

Таким образом, можем отметить, что "чужое" – это не обязательно нерусское, но обязательно неволжское. Ярким примером этому может служить контекст, в котором волжский мир (символом его является горный орел),

противопоставляется миру российскому, находящему воплощение в образе Петра I:

– Петр I: *великий государь, царь; (у него) железные пальцы, длинноногий, прошелся по-журавлиному; яростно карабкается, торжествующе засмеялся, сердито взглянул* [СВВ, 2002, 387-388];

– Орел: *могучая птица, (его) огромные крылья блестели на солнце, грозно сверкали на солнце, будто железные его крылья; парил свободно, уверенно, по-хозяйски, крутит в вышине, плавно парил в густой синеве* [СВВ, 2002, 387-388]. Петр I ассоциируется с журавлем (журавль - большая болотная птица с длинными ногами и длинной шеей). Следует обратить внимание на лексему *болотная*, являющейся атрибутом к слову журавль. Ранее мы уже отмечали данную лексему как реалию "чужого" мира.

Таким образом, можем констатировать, что в волжском повествовательном фольклоре волжский мир противопоставляется миру российскому. Иными словами волжский народ позиционирует себя как некое обособленное этническое культурное сообщество.

2.2.2. Лексемы, обозначающие персонажей текста

В данном параграфе рассматриваются лексемы, обозначающие персонажей текста с обобщающим значением «чужое»: *соседи, вражьи люди, пришельцы, кочевники, Пугач, Пугачев, Татарский хан Мамон, трухменцы, два шигонских молодых парня, чувашенин, татарин, чужестранные люди*.

В перечисленных лексемах можно выделить следующие семы: «принадлежность к определенной этнической группе», «противники». В семантическом объеме лексемы *Пугачев (Пугач)* различаем также семы «принадлежность к степной стороне», «разбойник».

Сема «принадлежность к определенной этнической группе» имеется в составе следующих лексем: *Татарский хан Мамон, трухменцы, два шигонских молодых парня, чувашенин, татарин*.

Отметим нейтральную коннотацию лексем *Татарский хан Мамон*, *чувашиенин*. В текстах они не наделяются особыми характеристиками и оценками:

– *По преданию, здесь похоронен Татарский хан Мамон, который с семьюдесятью князьями поднимался по Волге; На могилу Мамона воины принесли в шлемах и щитах камни и землю, насыпав высокий курган* [СВВ, 2002, 386];

– *Вот раз идет он по базару и попадаетея ему чувашенин* [СВВ, 2002, 399];

– *Пошел искать этого чувашенина; нашел. Тот согласился..;*

– *Клад ушел, а чувашенин после этого и говорит портному* [СВВ, 2002, 400].

Лексема *трухменцы* имеет отрицательную коннотацию. Она характеризуется следующими атрибутами: *пошаливали, грабили, пошли наутек*:

- *Кругом пошаливали трухменцы и частенько грабили русских: надо было держать ухо остро..;*

- *Те, что в лодке остались, пошли наутек...* [СВВ, 2002, 391].

Грабить – отнимать силой что-нибудь у кого-нибудь, разоряя [Ожегов, Шведова, 1961, 138]. Словосочетание *пошли наутек* – пуститься в бегство, бежать в побег [Даль, 1956, 489] - в данном контексте имеет пренебрежительную коннотацию.

Лексема *два шигонских молодых парня* наделяется следующими атрибутами: *ограбить, убить, славились разбоями, с дубинами*:

– *Раз, говорят, его вздумали огабить и убить два шигонских молодых парня; а все Шигоны славились прежде разбоями* [СВВ, 2002, 394];

– *Ну, эти два молодца с дубинами и вышли к нему навстречу* [СВВ, 2002, 395].

В «Словаре русского языка» С.И.Ожегова и Н.Ю.Шведовой [М; 1961] данные слова имеют следующие толкования: *грабить* - отнимать силой что-

нибудь у кого-нибудь, разоряя (с. 138); *убить* – лишить жизни (с.807); *разбой* – вооруженное нападение с целью ограбления, убийства (с. 631).

Дубина в данном случае является атрибутом разбойничьего снаряжения. В целом все перечисленные атрибуты позволяют говорить об отрицательном облике данного персонажа.

Рассмотрим этноним *татарин*. Золото – самый частотный атрибут татарина. Его желтый халат также символизирует золото:

- *Подходит к нему весь волосатый, только голова лысая, в желтом халате татарин..;*

- *Лысый ударил по стягу палкой, рассыпался стяг в золото; Насыпал лысый полную шкуру золота и говорит мужику..;*

- *И насыпал татарин горсть золота* [СВВ, 2002, 417];

- *Татарин лысый держит ее под узцы в желтом халате, - это значит золото* [СВВ, 2002, 418].

В анализируемых текстах отмечается связь этнонима *татарин* с потусторонним миром, нечистыми силами. На это не единожды указывается при описании его внешнего вида:

- *Подходит к нему весь волосатый, только голова лысая, в желтом халате татарин* [СВВ, 2002, 417];

- *Татарин лысый держит ее под узцы в желтом халате, - это значит золото;*

- *И взять его можно было только тогда, когда он нечистый, неумытый с утра спал на этой телеге;*

- *Застали нечистого и окружили:*

- *Стоит, весь волосатый да лысый* [СВВ, 2002, 418].

Данное описание ассоциируется с образом черта: «Чертом стали обозначать всю нежить, нечисть. Более всего перед человеком он появляется в антропоморфном виде, *покрытый шерстью*» [Шуклин, 2001, 350].

Отметим противопоставление его облика с обликом *молодца*, являющегося одним из персонажей текста, представляющих в волжских преданиях и

легендах кластер «Свой» : *волосатый да лысый – голова была вся курчава; покрытый шерстью – волосы, как кольца золотые вились.*

Однозначно можно говорить о том, что в волжских текстах подчеркивается этническая чуждость татарина и выражается к нему негативное отношение.

Сема «противники» актуализируется, кроме лексемы *татарин*, в следующих лексемах: *соседи, вражьи люди, пришельцы, кочевники, чужестранные люди.*

Негативное отношение прослеживается посредством лексического толкования данных слов и наличия у них соответствующих атрибутов. Приведем примеры:

- *Но случилось так, что соседей, кочевавших за Волгой, обуяла зависть. Они и до этого разбойничали по чужим землям..;*

- *Что вам тут надо, вражьи люди?*

- *Оглянулись в страхе пришельцы..;*

- *Много жадных и жестоких кочевников погибло тогда в волжских водах [СВВ, 2002, 383];*

- *И узнали его бедные люди, и чужестранные стали ездить [СВВ, 2002, 424].*

В «Словаре русского языка» С.И.Ожегова и Н.Ю.Шведовой [М; 1961] данные слова имеют следующие толкования: *зависть* – чувство досады, вызванное благополучием, успехом другого (с. 194); *разбойничать* – заниматься разбоем, быть разбойником (с. 632); *враг* – тот, кто находится в состоянии вражды с кем-нибудь, противник (с. 98); *пришелец* – пришлый, не местный человек (с. 594); *жадный* – скупой, корыстолюбивый (с. 183); *жестокий* – крайне суровый, безжалостный, беспощадный (с. 187).

Можем констатировать, что лексемы, реализующие сему «противники», в текстах волжских легенд и преданий приобретают расширительное значение «вражеский, несущий зло».

В анализируемой группе лексем «персонажи» с обобщающим значением «чужое» встречается лишь две антропонимические единицы – *Пугачев* и его вариант *Пугач*.

Примечательна номинация *Пугач*. В данном случае имя приобретает символическое значение. « Собственное имя – самая конкретная, а вместе с тем самая абстрактная категория, которая дает возможность проследить за превращением знака конкретного номинального значения в символ, образ, нарицательное понятие в языковых контекстах, фиксирующих историю народа, историю мировоззрения, историю слова» [Кондратьева, 1969, 3].

Пугачев – антропоним-имя. *Пугач* – антропоним-прозвище.

Лексему *Пугач* можно считать к производной от слова «пугать». *Пугать* – внушать страх, боязнь [Ожегов, Шведова, 1961, 622]. В анализируемых текстах данная лексема имеет следующие атрибуты: *обращался круто, повесит, придавит*:

- В Самарской губернии Ставропольского уезда, в селе Старом Урайкине побывал *Пугач* и с помещиками *обращался круто: кого повесит, кого забором придавит* [СВВ, 2002, 385].

Лексема *Пугачев* имеет следующие атрибуты: *разбитый, сбег, войско*:

- Здесь *Пугачев, разбитый* московскими войсками, похоронил своих товарищей, а сам *сбег в Оренбургские степи, назад, в степную луговую сторону*;

- *Пугачев, наоборот, держался степи, его войска* состояли из степных наездников – казаков, башкир, киргиз [СВВ, 2002, 416].

Данные атрибуты можно объединить в сему «разбойник».

Также в данной лексеме актуализируется сема «принадлежность к степной стороне», которая реализуется при помощи следующих лексем: *Оренбургские степи, степная луговая сторона, степь*:

- Здесь *Пугачев, разбитый* московскими войсками, похоронил своих товарищей, а сам *сбег в Оренбургские степи, назад, в степную луговую сторону*;

- *Пугачев, наоборот, держался степи, его войска состояли из степных наездников – казаков, башкир, киргиз*

- *В степях есть и его ставка – Нечетная* [СВВ, 2002, 416].

Персонаж *Пугачев*, представляющий кластер «Чужое», в текстах волжских преданий и легенд противопоставляется персонажу, представляющему кластер «Свое»– *Степану Разину*, а следовательно, олицетворяет собой противоположность волжскому вольному духу, что как раз ярко отражено посредством семы «принадлежность к степной стороне».

Резюмируем. В данном параграфе мы рассмотрели этнонимическую лексику, представляющую кластер «Чужое», которая воспринимается – в большинстве случаев – как негативное, приносящее вред, чуждое, и провели семантический и лексический анализ двадцати трех лексем, наиболее ярко отражающих специфику волжских преданий и легенд.

Данные лексемы объединяются в 2 тематические группы слов: 1) лексем-топонимы и географические названия, 2) лексем, обозначающие персонажей текста.

Группа «лексемы-топонимы и географические названия» представлена следующими географическими реалиями: *за Волгой, по ту сторону Жигулей, Оренбургские степи, степная луговая сторона, степная сторона, степь, Турецкое царство, Азовское море, Каспийское море*, а также реалиями с обобщенным характером: *незнакомые, глухие места, болота*, которые в своем толковании обнаруживают негативную окраску.

Волжская сторона в анализируемых текстах противопоставляется также миру российскому в целом. Это находит воплощение в оппозиции Петра I, олицетворяющего Россию, и орла, выступающего символом волжских просторов. В связи с этим можно говорить о том, что волжский народ позиционирует себя как некое обособленное этническое культурное сообщество.

Группа «лексемы, обозначающие персонажей текста» включает следующие лексем: *соседи, вражьи люди, пришельцы, кочевники, Пугач, Пугачев,*

Татарский хан Мамон, трухменцы, два шигонских молодых парня, чувашенин, татарин, чужестранные люди.

«Чужое» в группе «лексемы, обозначающие персонажей текста» воспринимается – в большинстве случаев – как негативное, приносящее вред, чуждое. В данной группе лексем выявляются следующие семы: «принадлежность к определенной этнической группе», «противники»; в семантическом объеме лексемы *Пугачев (Пугач)* различаем также семы «принадлежность к степной стороне», «разбойник».

Лексемы, объединенные в данную группу и реализующие данные семы, в анализируемых текстах выражают:

- 1) негативную коннотацию: *вражьи люди, пришельцы, чужестранцы.*
- 2) негативное отношение к тому или иному этносу: *трухменцы, татарин, два шигонских молодых парня.*
- 3) чуждое географическое пространство: *степная луговая сторона, Оренбургские степи, степь.*

«Чужими» в волжских легендах и преданиях обозначаются либо географические реалии, либо существительные со значением лица.

Эти группы объединяет один общий признак: все они связаны со сферой чужого и противопоставлены своему – волжскому – как этнически чуждые, враждебные, относящиеся к дальней стороне.

2.3. Этнонимическая лексика кластера «Пограничный мир»

В данном параграфе исследуется ряд лексем, обозначающих в волжском фольклоре «пограничный мир». В этом разделе мы выделяем одну группу «мифологические персонажи».

Мы считаем изучение мифологической стороны преданий и легенд важной, так как «мифология открывает возможности для раскрытия особенностей мировидения далеких предков, понимания и оценки ими своей жизни и деятельности» [Шуклин, 2001, 3]. Система верований каждого народа складывается на протяжении длительного времени и зависит от различных исто-

рических, общественных и личностных факторов. В данном параграфе мы попытались выделить и охарактеризовать основных мифологических персонажей в текстах волжских преданий и легенд. Изучение мифологической составляющей волжских преданий и легенд позволит наиболее полно постичь истоки волжской культуры.

Проанализировав тексты волжских легенд и преданий, можно говорить о том, что наиболее регулярными в них являются образы мифологических персонажей, связанные, прежде всего, с водной стихией. Это - *русалки, водяной, рыба*.

Обратимся непосредственно к их характеристике.

1. Наиболее регулярной мифологической реалией являются *русалки*. «Мифические водяные девы. Их название проникло на Русь с запада довольно поздно. Ранее их называли водяницами, купалками, лоскотухами, хитками (схватывающие, увлекающие), шутовками. Считалось, что в них превращаются утопленницы» [Шуклин, 2001, 284]:

– *Как сумасшедшая выбежала на берег нагишом, косы распущены - и поплыла на середину, да там на дно и опустилась. Искали и неводом, и снастями - не могли найти. После пошли слухи, что Марина оборотилась русалкой да по вечерам и выходит на берег* [СВВ, 2002 412].

«Считалось, что большую часть года русалки проводят на дне реки, а на земле появляются во время так называемой Русальной недели» [Капица, 2000, 24]:

– *Рыбаки поговаривали, что видели иногда русалку на песках против Симбирска. Плывет, кажется, лебедь, тихо; выйдет на песок, взмахнет да ударит крыльями и превратится в красавицу-бабу и развалится на песке как мертвая* [СВВ, 2002 411].

Выявляем следующие семы в мифологической реалии *русалка*: "наличие определенных внешних данных", "наличие определенных душевных качеств", "цель, предназначение".

Атрибутами, описывающими внешние качества, выступают лексемы: *лебедь, красавица-баба, нагишом, косы, косы распущены*. Приведем примеры:

– *Как сумасшедшая выбежала на берег нагишом, косы распущены; Сядет на огуток или на конец плота и все моет голову да расчесывает свои косы* [СВВ, 2002 411];

– *Плывет, кажется, лебедь, тихо; выйдет на песок, взмахнет да ударит крыльями и превратится в красавицу-бабу и развалится на песке как мертвая* [СВВ, 2002 412].

В данных примерах интересно сравнение, отождествляющее *русалку* с *лебедью*, и использование биннома *красавица-баба*. «Лебедь - символ благородства, чистоты, целомудрия, женской грации. В образе Лебеди воплощено понимание женского облика как грациозного, изящного, невинного и благородного» [Патянина, 1999, 2-3].

Парное сочетание *красавица-баба* также является показательным для языка фольклора. В таких сочетаниях «слова как бы сливаются в одно целое, образуя новое сложное слово» [Евгеньева, 1963, 260]. Слово *красавица* в общефольклорном представлении выражает высокую положительную оценку, тогда как слово *баба* является просторечным и имеет следующее толкование: *баба* - простая женщина не из образованных, не из привилегированных слоев населения [Ожегов, Шведова, 1961, 31]. Данное сочетание образовано на основе тематической общности и формирует обобщенное понятие. Подобный тип обобщения обладает экспрессивным характером, так как отражает закрепившееся в народном сознании отношение к персонажу. С одной стороны, это – нечто возвышенное, обладающее высоким статусом, с другой - простое, народное, «свое». «...Происходит определенное качание смысла, когда оба члена симметрии в сопоставлении друг с другом выделяют лишь ту узкую часть, которая им обща, они абстрагируют явление, подчеркивают в нем лишь его абстрактную сущность» [Лихачев, 1979, 173].

В целом можно говорить, что характеристика внешних данных *русалки* соответствует общефольклорным представлениям о внешности данного персонажа: «Русалки обычно представлялись красивыми девушками. Они стройны, соблазнительны на вид, ходят нагие или в белых сорочках» [Шуклин, 2001, 284].

Сема "наличие определенных душевных качеств" реализуется при помощи следующих лексем: *жалобно-прежалобно, горько, заунывно, застонет, заохает, плачет*:

- *Потом вдруг застонет да заохает жалобно-прежалобно и бросится в воду со всего размаху..;*

- *Многие ее видели, даже слышали, как она горько плачет и поет заунывно, тихо - аж за сердце берет* [СВВ, 2002 411].

В «Словаре русского языка» С.И.Ожегова и Н.Ю.Шведовой [М; 1961] данные слова имеют следующие толкования: *стонать* - 1. издавать стоны; 2. жаловаться, сетовать (с. 756); *охать* - выражать чувства сожаления, печали, боли (с. 475); *плакать* - проливать слезы от боли, горя, издавая нечленораздельные голосовые звуки (с. 510); *горько* - горестно, тяжело (с. 136); *заунывно* - тоскливо, наводя уныние (с. 219). Парное сочетание *жалобно-прежалобно* - эстетически специализированная морфологическая форма, основанная на этимологическом повторе. Лексема *жалобно* имеет толкование – «выражающее скорбь, тоску» [Ожегов, Шведова, 1961, 183]. Входя в биномное сочетание с лексемой *прежалобно*, отличается усилением значения, повышенной экспрессивности речи.

Таким образом, в результате проведенного анализа приходим к выводу о том, что мифологизированный персонаж *русалка* в контексте волжских преданий и легенд характеризуется такими душевными качествами и состояниями, как жалость, сожаление, печаль, горе. Иными словами, это глубоко несчастный персонаж, символизирующий собой душевную скорбь, одиночество.

Сема "цель, предназначение" реализуется посредством следующих атрибутов: *заманивать, русалочий приманный крик, пугать, страшно.*

- *Легенда гласит, что когда-то давно здесь ночью появлялось семь русалок, которые заманивали путников и рыбаков пещеры..;*

- *Но услышал однажды русалочий приманный крик один старец и проклял это место [СВВ, 2002, 386];*

- *Ну, будто бы Марина-русалка с каким-то седым стариком в этом валу и появляются, и лодки опрокидывают..;*

- *Вечерком многих пугала..;*

- *Ну, Марина-русалка вынырнет из воды...страшно! [СВВ, 2002, 412].*

Можем сделать вывод, что основным функциональным назначением русалок становится «погубление человека» [Шуклин, 2001, 284].

Мифологический персонаж *русалка* в текстах преданий и легенд наделяется душой и характером, и в этом выражается стремление народа понять окружающий их мир, в данном случае *русалку* как представительницу водной стихии - Волги. Существительные-атрибуты типа *баба, лебедь, красавица* призваны обозначить исключительность данного персонажа, его отличие от общефольклорных представлений о русалке.

2. Следующая мифологическая реалия волжского мира – *водяной*. Его характеристика в текстах дается очень кратко. Нам удалось в полной мере выявить лишь одну сему "высокий статус". Данная сема реализуется при помощи атрибутов: *наградить, отпустить, просит, угощает, живет во дворце изумрудном*. Приведем примеры:

– *Угощает* меня разными яствами..;

– *Живет он во дворце изумрудном..;*

– *Просит* играть ему на бандуре..;

– *Обещался наградить* меня на этом свете: *отпустить* вместе с Мариною, моей любовницей [СВВ, 2002, 412].

Образ *водяного* в текстах волжских преданий и легенд антропоморфизуется и наделяется чертами характера, интересами, семейным положением, присущими человеку:

– Меня *полюбил* Водяной Волнок..;

– *Заиграю* - он *распляшется*, со всеми своими *женами-русалками* [СВВ, 2002, 412].

Любить - испытывать любовь к кому-чему-нибудь [Ожегов, Шведова, 1961, 324]; *плясать* - танцевать [Ожегов, Шведова, 1961, 515]; *жена* - замужняя женщина.

Таким образом, констатируем, что образ водяного антропоморфизуется, включает в свою характеристику человеческие качества.

3. Мифологическая реалия *рыба* представлена в текстах волжских преданий и легенд следующими лексемами: *щука-нянька*, *чехонь*, *красная рыба-севрюга*.

Обращают на себя внимание биномы *рыба-севрюга*, *щука-нянька*. Бином *рыба-севрюга* реализует особый вид обобщения, представляет собой объединение родовой и видовой номинаций, воплощающих обобщенную сему - "рыба".

Второй бином *щука-нянька* - атрибутивное сочетание, где второе существительное выступает в качестве определения. *Нянька* - женщина, занимающаяся уходом за кем-либо [Ожегов, Шведова, 1961, 410].

Семантический объем лексемы *рыба* в анализируемых текстах характеризуется следующими семами: "цель, предназначение", "статус", "умственные качества".

Сема "цель, предназначение" выявляет главное качество *рыбы* - хранительница. Данная сема реализуется в текстах лексемами *охранять*, *хранить*, *беречь*. Приведем примеры:

– *И в такое время утра уже ни одна рыба не выходила... Они жалели, берегли княжну, и все спешили к ней, охранять ее* [СВВ, 2002, 413];

– *Только осталась одна чехонь - хранить, беречь ревниво крыши Мирного города* [СВВ, 2002, 415].

В мифологии рыба вообще является «чудесной помощницей герою» [Шуклин, 2001, 285].

Сема "статус" реализуется посредством следующих лексем: *имела право, приказала, старая, простая, распоряжается*:

– *Входить к ней **имела право** всего только одна щука-нянька, что встретила княжну с первого дня* [СВВ, 2002, 413];

– *Вышла **старая** щука-нянька...И **приказала** простой рыбе, чехони, пойти на разведку, узнать, почему наверху звона нет*;

– *Нянька-щука **распоряжается**, принимает гостей и провожает дальше к морю, где простор и свобода...* [СВВ, 2002, 414].

Выделенные слова имеют следующие толкования в «Словаре русского языка» С.И.Ожегова и Н.Ю.Шведовой [М; 1961]: *право* - 2. охраняемая государством, узаконенная возможность что-нибудь делать, осуществлять; 3. возможность действовать, поступать каким-нибудь образом (с.567); *приказать* - отдать приказание, распорядиться (с.582); *распорядиться* - то же, что приказать (с.652). *Старый* - давнишний, вековой, древний, исконный, кто больше чином [Даль, 1956, 316]; *простой* - обыкновенный, без особых достоинств, простого звания [Даль, 1956, 512].

Таким образом, можно сделать вывод, что мифологическая реалья *рыба* в своей характеристике подвергается внутренней иерархии, даже подразделяется на чины и звания. И, следовательно, географическая реалья *Волга*, представителем которой выступает *рыба*, предстает в волжском поэтическом сознании как обособленное государство со своими законами, иерархией и т.д.

В семантике данной лексемы также представлена сема "умственные качества", реализующаяся посредством следующих лексем: *бестолковая, разузнать, поумнее, узнать, умная, поняла*:

– *Чехонь **бестолковая** отправилась гурьбой..;*

- *Не сумела она разузнать как следует, толком...*;
- *Послать кого поумнее на разведку и узнать...*;
- *Умной красной рыбе-севрюге и осетрам нельзя было выходить;*
- *Умная красная рыба разгуливает себе да разгуливает* [СВВ, 2002, 414].

Как видим, мифологический персонаж *рыба* подвергается дифференциации (разные рыбы наделяются разными умственными способностями: *чехонь – бестолковая, не сумела она разузнать; красная рыба – умная, поумнее*), а также персонификации: имеет определенную цель своего существования, обладает социальным статусом, умственными качествами.

Таким образом, констатируем, что все реалии, входящие в пласт этнонимической лексики "лексемы, обозначающие мифологических существ" - *русалка, водяной, рыба* - являются представителями водной стихии. Возможно, такой набор мифологических героев обусловлен особенностями географического пространства, в котором создавались данные тексты: волжская - речная - сторона.

Этих персонажей также можно объединить одной общей семьей "место обитания", реализующейся посредством лексем: *заводь, овраг, омут, дно*.

Вышеназванные реалии мифического мира обитают, прежде всего, в заводях, речных оврагах, омуте, на дне реки. Приведем примеры:

– *Рассказывают, что в районе Студеного оврага есть незамерзающая Русалочья заводь* [СВВ, 2002, 386];

– *И Иван Курчавый слышал, что Марина от любви к нему утонула в Волге, стала русалкой и живет в страшном омуте, где и в бурю, и в тихую погоду вода, как в котле кипит, белый вал ходит..;*

– *Мне с Мариной жить на дне Волги-матушки весело: меня полюбил Водяной Волнок* [СВВ, 2002, 412].

Вышеназванные лексеммы имеют как отрицательную, так и положительную коннотацию, чему можно найти несколько подтверждений.

Во-первых, все они воплощают стихию воды, а вода в мифологическом словаре позиционируется как «одна из основополагающих стихий мироздания. Со временем сформировался двойственный взгляд на воду. С одной стороны, в воде видели средство очищения и одновременно искали в ней источник силы. С другой стороны воду рассматривали как своеобразную границу между миром людей и "тем светом"» [Капица, 2000, 24].

Во-вторых, обратимся к лексическому толкованию рассматриваемых реалий. *Овраг* - глубокая длинная с крутыми склонами впадина на поверхности земли [Ожегов, Шведова, 1961, 430]; *заводь* - небольшой залив в реке (или озере) с замедленным течением [Ожегов, Шведова, 1961, 195]; *омут* - 1. водоворот на реке, образуемый встречным течением; 2. глубокая яма на дне реки, озера. *В тихом омуте черти водятся* (о том, кто тих, смирен только с виду) [Ожегов, Шведова, 1961, 441]; *дно* - грунт под водой водоёма, реки, моря. *Д. реки. Д. океана. Идти ко дну* (также перен.: гибнуть) [Ожегов, Шведова, 1961, 162]. Как видно, лексемы *овраг*, *заводь* имеют нейтральную коннотацию. Лексемы *омут*, *дно* в своем толковании обнаруживают отрицательный коннотат (водоворот, черти, гибнуть).

В-третьих, необходимо обратиться непосредственно к контексту, в котором данные реалии функционируют.

Рассмотрим лексему *заводь*:

– *Рассказывают, что в районе Студеного оврага есть незамерзающая русалочья заводь. Здесь со дна Волги бьют семь холодных ключей, которые своим водоворотом легко опрокидывают лодки..;*

– *Но услышал однажды русалочий приманный крик один старец и проклял это место. С тех пор люди сторонятся этого места, над которым по-прежнему даже в хорошую погоду лежит густой туман* [СВВ, 2002, 386].

Слово *заводь* в данном контексте характеризуется как *незамерзающее, холодное, проклятое место, над которым лежит густой туман*.

Лексема *омут* представлена в следующих контекстах:

– И Иван Курчавый слышал, что Марина от любви к нему утопилась в Волге, стала русалкой и живет в **страшном омуте**, где и в бурю, и в тихую погоду вода, как в котле кипит, белый вал ходит [СВВ, 2002, 412].

Слово *омут* выступает как *страшное*, где вода как в котле кипит место.

Рассмотрим лексему *дно*:

– Мне с Мариной жить на дне Волги-матушки **весело**: меня полюбил Водяной Волнок;

– ...живет он **во дворце изумрудном** [СВВ, 2002, 412].

Слово *дно* характеризуется такими атрибутами, как *весело*, там *дворец изумрудный*.

Исходя из проделанного анализа, можно сделать вывод о том, что лексемы, входящие в сему "место обитания", как и вообще лексемы, обозначающие мифологических существ, имеют неоднозначную характеристику: несут как положительную, так и отрицательную коннотацию. Возможно, это вызвано двойственным отношением в волжском ментальном сознании к водной стихии. С одной стороны, это родная речная сторона, с другой же – нечто непознанное, недоступное пониманию. Возможно, такая двойственность вызвана тем, что эти персонажи находятся на границе своего и чужого миров.

Мифологические персонажи имеют в своем семантическом объеме наиболее регулярную сему «цель, предназначение». Она актуализируется при характеристике лексем *русалка* и *рыба*.

Русалка наделяется такими атрибутами, как *заманивать*, *русалочий приманный крик*, *пугать*, *страшно*, а *рыба* – *беречь*, *охранять*, *хранить*, *беречь*.

Лексема *водяной* не отличается большим набором семантических признаков. В его характеристике мы выявили лишь одну сему "высокий статус". Данная сема реализуется при помощи атрибутов: *наградить*, *отпустить*, *просит*, *угощает*, *живет во дворце изумрудном*.

Таким образом, каждый из перечисленных мифологических персонажей занимает в сознании волжского народа свою нишу, составляя определенную иерархию представителей водной стихии .

Резюмируем. В данном параграфе мы выделили и проанализировали одну группу. Группа «лексемы, обозначающие мифологических существ» включает три этнонимические лексемы: *русалка, водяной, рыба*.

Все мифологические реалии – *русалка, водяной, рыба* – являются представителями водной стихии. Возможно, такой набор мифологических героев обусловлен особенностями географического пространства, в котором создавались данные тексты: волжская - речная - сторона. Данные образы в текстах персонифицируются, что реализуется через соответствующий набор сем и атрибутов: "наличие определенных внешних данных" (*лебедь, красавица-баба, нагишом, косы, косы распущены*), "наличие определенных душевных качеств" (*жалобно-прежалобно, горько, заунывно, застонет, заохает, плачет*), "цель, предназначение" (*заманивать, русалочий приманный крик, пугать, страшно, берегли, охранять, хранить, беречь*), "статус" (*имела право, приказала, старая, простая, распоряжается, наградить, отпустить, просит, угощает, живет во дворце изумрудном*), "умственные качества" (*бестолковая, разузнать, поумнее, узнать, умная, поняла*).

Таким образом, можно говорить о том, что характеризуемые в работе мифологические существа антропоморфизированы, они являются самостоятельными действующими лицами. Наглядность антропоморфизированных образов в текстах преданий и легенд увеличивается за счет образной детализации.

Выводы ко 2 главе.

В данной главе исследуются тематические группы лексем, обозначающих в волжском фольклоре "свой" мир – волжский, мир "чужой" - не волжский, а также мир "пограничный".

I. «Свое» в сознании волжского народа воспринимается положительно. Лексика отражает волжский менталитет, несет в себе отпечаток местного колорита. Среди этнонимической лексики, представляющей кластер «Свое», мы различаем и исследуем в рамках данной работы 2 тематические группы слов: 1) лексеммы - географические названия; 2) лексеммы, обозначающие персонажей текста.

1. Группа «лексеммы-географические названия» включает в свой состав лексеммы, представляющие в текстах волжских преданий и легенд этноним *волжский*, которые можно объединить в группу этнонимической лексики, представляющий данный этноним: *Волга, Жигулевские горы, Молодецкий курган, Девья гора, река Ра, Днепр, Двина, Кама, село Усолье, Самарская губерния, Ставропольский уезд, село Урайкино, Студеный овраг, река Сок, Царев Курган, Худояров городок, Сенгилеевский уезд, Сенгилей, Лысая гора, Лыковая гора, курган Гарифа.*

Наиболее частотными, а, следовательно, и показательными для анализируемых текстов являются лексеммы *Волга, Жигулевские горы, Молодецкий курган, Девья гора*. Именно с их помощью выявляется специфика волжского этнического менталитета и характера. Лексема **Волга** сопровождается такими атрибутами, как *мощная, бурная, матушка*. **Жигулевские горы** - *древние, державные, величественные, великие, тайные, твердые, неподатливые*. **Молодецкий курган** - *добрый молодец, высокий, неприступный*. **Девья гора** - *девушка, дочь богатого купца, небольшой холм, горка*; ей присущи такие качества, как *чутье, ревность, жалость, вольнолюбие*.

Данные атрибуты носят описательный характер и являются самыми значимыми в характеристике волжского края. Можно сказать, что народное поэтическое сознание воспринимает "свою" волжскую родину, как обособ-

ленное этническое сообщество, характеризующееся бурным, твердым, вольнолюбивым характером. Волжская сторона позиционируется как мощная, величественная, неподатливая, неприступная крепость. Такое гиперболизированное описание вообще характерно для жанра легенды, которая, как известно, отличается поэтическим вымыслом, одновременно претендуя на достоверность.

Рассмотренные лексемы включают в свою семантическую структуру и сему положительной оценки. Наиболее типичными являются следующие семы: "наличие физических качеств", "наличие душевных качеств, черт характера", "социальный статус", "родственные связи". Наличие данных сем указывает на то, что лексемы - топонимы и географические названия (а именно *Волга, Жигулевские горы, Молодецкий курган, Девья гора, река Ра, Днепр, Двина, Кама*) в текстах одушевлены, антропоморфизированы и положительно окрашены.

2. Наиболее регулярными представителями группы «лексемы, обозначающие персонажей текста» являются следующие персонажи: *мужик (крестьянин), богатырь, молодец, княжна, молодая вдова, девушка*. К персонажам текста волжского повествовательного фольклора относится также реальный исторический персонаж – *Степан Разин* и его войско. Это самые значимые лексемы данной тематической группы, представляющие этноним *волжский*.

Мужские образы – *мужик (крестьянин), богатырь, молодец* – в волжских преданиях и легендах достаточно типизированы. То есть, можно говорить о том, что они наделяются общефольклорными характеристиками. Это делает мужские образы предельно обобщенными, а в силу этого они практически лишены локальных особенностей.

Образ *Степана Разина* воплощает в себе именно те главные качества, которые присущи волжскому народу: вольнолюбие, свободомыслие. Вместе с тем это образ гиперболизированный, наделенный сверхчеловеческими качествами. Он воспринимается народным поэтическим сознанием как вопло-

щение волжского вольнолюбия, духовной свободы, истинно волжского характера.

Женские образы – *княжна, молодая вдова, девушка* – созданы народным поэтическим сознанием в соответствии с русской фольклорной традицией, с опорой на этнические, ментальные представления, которые воплощены в текстах волжских преданий и легенд.

Русская традиция соизмеряет требования идеальной внешности с внутренними качествами, душой. Именно поэтому в описании женских персонажей актуализируются, прежде всего, такие семы, как "привлекательная внешность", "наличие определенных душевных качеств, черт характера".

Волжская героиня характеризуется такими внешними качествами, как *чернобровая, черноглазая, пронзительный взгляд*; специфическими внутренними качествами - *суровая, ревнивая, с крутым характером, умеющая любить*. В целом же данный образ отличается от общефольклорных представлений о молодой девушке.

Такая оценка несет в себе отпечаток местного колорита, выраженного, прежде всего, в едва уловимых нюансах эмоционального восприятия мира. Это характер, порожденный самой волжской природой – смелый, мудрый, суровый, вольнолюбивый.

Выявив и проанализировав лексемы, образующие кластер «Свое» в текстах волжских легенд и преданий, можем сделать вывод о том, что этнонимическая лексика в анализируемых текстах отражает в себе волжский народный менталитет, а многие ее элементы входят в ядро фольклорного словаря, представляют собой определенные константы фольклорного мира.

Легенды и предания несут в себе отпечаток местного колорита, выраженного в едва уловимых нюансах эмоционального восприятия мира. Вольнолюбие - ключевое слово для описания истории Поволжского региона, который еще в XVI веке назывался Волжской вольницей.

II. "Чужим" в текстах волжских преданий и легенд обозначается все, что находится за пределами Волги – «не свое, нездешнее, незнакомое». «Чу-

жими» в волжских легендах и преданиях обозначаются либо географические реалии, либо существительные со значением лица. Мы сгруппировали их в 2 тематические группы: 1) лексемы - географические названия; 2) лексемы, обозначающие персонажей текста. Эти группы объединяет один общий признак: все они связаны со сферой чужого и противопоставлены своему – волжскому – как этнически чуждые, враждебные, относящиеся к дальней стороне.

1. Группа «лексемы- географические названия» представлена следующими географическими реалиями: *за Волгой, по ту сторону Жигулей, Оренбургские степи, степная луговая сторона, степная сторона, степь, Турецкое царство, Азовское море, Каспийское море*, а также реалиями с обобщенным характером: *незнакомые, глухие места, болота*, которые в своем толковании обнаруживают негативную окраску. Волжская сторона в анализируемых текстах противопоставляется также миру российскому в целом. Это находит воплощение в оппозиции Петра I, олицетворяющего Россию, и орла, выступающего символом волжских просторов. В связи с этим можно говорить о том, что волжский народ позиционирует себя как некое обособленное этническое культурное сообщество.

2. Группа «лексемы, обозначающие персонажей текста» включает следующие лексемы: *соседи, вражьи люди, пришельцы, кочевники, Пугач, Пугачев, Татарский хан Мамон, трухменцы, два шигонских молодых парня, чувашенин, татарин, чужестранные люди*.

«Чужое» в группе «лексемы, обозначающие персонажей текста» воспринимается – в большинстве случаев – как негативное, приносящее вред, чуждое. В данной группе лексем выявляются следующие семы: «принадлежность к определенной этнической группе», «противники»; в семантическом объеме лексемы *Пугачев (Пугач)* различаем также семы «принадлежность к степной стороне», «разбойник».

Лексемы, объединенные в данную группу и реализующие данные семы, в анализируемых текстах выражают:

- негативную коннотацию: *вражьи люди, пришельцы, чужестранцы*.
- негативное отношение к тому или иному этносу: *трухменцы, татарин, два шигонских молодых парня*.
- чуждое географическое пространство: *степная луговая сторона, Оренбургские степи, степь*.

III. В третьем параграфе второй главы мы обращаемся к этнонимам, представляющим «пограничный мир». В пределах кластера «пограничный мир» мы выделяем одну группу – «мифологические персонажи». В данном параграфе мы проанализировали и охарактеризовали основных мифологических персонажей в текстах волжских преданий и легенд. Изучение мифологической составляющей волжских преданий и легенд позволяет наиболее полно постичь истоки волжской культуры.

1) Группа «лексемы, обозначающие мифологических существ» включает три этнонимические лексемы: *русалка, водяной, рыба*.

2) Все мифологические реалии – *русалка, водяной, рыба* – являются представителями водной стихии. Возможно, такой набор мифологических героев обусловлен особенностями географического пространства, в котором создавались данные тексты: волжская - речная - сторона. Данные образы в текстах персонифицируются, что реализуется через соответствующий набор сем и атрибутов: "наличие определенных внешних данных" (*лебедь, красавица-баба, нагишом, косы, косы распущены*), "наличие определенных душевных качеств" (*жалобно-прежалобно, горько, заунывно, застонет, заохает, плачет*), "цель, предназначение" (*заманивать, русалочий приманный крик, пугать, страшно, берегли, охранять, хранить, беречь*), "статус" (*имела право, приказала, старая, простая, распоряжается, наградить, отпустить, просит, угощает, живет во дворце изумрудном*), "умственные качества" (*бестолковая, разузнать, поумнее, узнать, умная, поняла*).

Таким образом, можно говорить о том, что характеризуемые в работе мифологические существа антропоморфизированы, они являются самостоятельными действующими лицами. Наглядность антропоморфизированных

образов в текстах преданий и легенд увеличивается за счет образной детализации.

IV. Проанализировав три основные группы этнонимической лексики в повествовательном фольклоре Поволжья, мы пришли к общему выводу, что этнонимическая лексика в текстах волжских преданий и легенд отражает общую специфику фольклорного слова – яркое проявление в его семантической структуре оценочного компонента. Поэтому в выявленных нами этнонимах четко прослеживается тенденция к расширению значения от денотативного к оценочному. При этом оценка остается неизменной: лексемы, представляющие кластер «Свое», содержат положительную оценку, представители кластеров «Чужое» и «пограничный мир» всегда отрицательно окрашены.

Заключение

В результате проведенного исследования мы пришли к следующим выводам.

I. Язык - важнейшая форма этнической культуры. Этнический менталитет или этническая самобытность – объективный, исторически складывающийся культурно- мировоззренческий феномен, обнимающий все существенное в этническом (национальном) мировосприятии и самосознании.

1) Этническое самосознание отражает менталитет того или иного народа. Этнический эталон народа хранится в фольклоре, который представляет собой плод народного творчества, переплетенный с достоверностью.

2) Язык считается основным устойчивым показателем этнического самосознания, менталитета. Ментальность отражается в языке на уровне лексики и на уровне грамматики. Важнейшим свойством слова на уровне лексики является его способность аккумулировать в себе различные культурные смыслы. На грамматическом уровне ментальность проявляется в специфических грамматических категориях и структурах.

3) Фольклорное слово не просто языковая единица, оно содержит в себе определенные традиционные смыслы, в которых воплотились восприятие и оценка нашими предками окружающего мира. Наиболее ярко ментальность народа отражается в особом пласте лексики – этнонимах. Многие элементы этнонимической лексики входят в ядро фольклорного словаря, представляют собой определенные константы фольклорного мира.

4) Предания и легенды составляют основной массив той области фольклора, которую русские фольклористы обозначают термином "несказочная проза". Легенда всегда отражала действительность сквозь призму того или иного верования либо той или иной совокупности верований. Основная общественная функция легенды – подкрепить верование, повествуя о чудесном. Термином «предания» обозначают повествования, отражающие главным образом обыденные представления о мире. Предание излагается в форме эпического повествования о достоверном. Оно утверждает или отрицает что-

либо без колебаний. В несказочной прозе, независимо от того, имеет ли рассказ дидактический, морализующий характер, приоритет имеет познавательный момент. Это, прежде всего, сообщение, т. е. семантическая информация.

II. Этнонимическая лексика в максимальной степени проявляет своеобразие национального менталитета. Описав и проанализировав этнонимы и образования от них в текстах волжского фольклора, мы можем попытаться воссоздать фрагмент языковой картины мира волжского этноса, какой она предстает в народном поэтическом сознании через призму оппозиции «свое» - «чужое» - «пограничное».

III. «Свое» в сознании волжского народа воспринимается положительно. Лексика отражает волжский менталитет, несет в себе отпечаток местного колорита. Среди этнонимической лексики, представляющей кластер «Свое», мы различаем и исследуем в рамках данной работы 2 тематические группы слов: 1) лексемы - географические названия; 2) лексемы, обозначающие персонажей текста.

1) Группа «лексемы-географические названия» включает в свой состав лексемы, представляющие в текстах волжских преданий и легенд этноним *волжский*, которые можно объединить в группу этнонимической лексики, представляющий данный этноним: *Волга, Жигулевские горы, Молодецкий курган, Девья гора, река Ра, Днепр, Двина, Кама, село Усолье, Самарская губерния, Ставропольский уезд, село Урайкино, Студеный овраг, река Сок, Царев Курган, Худояров городок, Сенгилеевский уезд, Сенгилей, Лысая гора, Лыковая гора, курган Гарифа.*

Наиболее частотными, а, следовательно, и показательными для анализируемых текстов являются лексемы *Волга, Жигулевские горы, Молодецкий курган, Девья гора*. Именно с их помощью выявляется специфика волжского этнического менталитета и характера. Лексема **Волга** сопровождается такими атрибутами, как *мощная, бурная, матушка. Жигулевские горы - древние, державные, величественные, великие, тайные, твердые, неподатливые. Мо-*

лодецкий курган - добрый молодец, высокий, неприступный. *Девья гора* - девушка, дочь богатого купца, небольшой холм, горка; ей присущи такие качества, как чутье, ревность, жалость, вольнолюбие.

Данные атрибуты носят описательный характер и являются самыми значимыми в характеристике волжского края. Можно сказать, что народное поэтическое сознание воспринимает "свою" волжскую родину, как обособленное этническое сообщество, характеризующееся бурным, твердым, вольнолюбивым характером. Волжская сторона позиционируется как мощная, величественная, неподатливая, неприступная крепость. Такое гиперболизированное описание вообще характерно для жанра легенды, которая, как известно, отличается поэтическим вымыслом, одновременно претендуя на достоверность.

Рассмотренные лексемы включают в свою семантическую структуру и сему положительной оценки. Наиболее типичными являются следующие семы: "наличие физических качеств", "наличие душевных качеств, черт характера", "социальный статус", "родственные связи". Наличие данных сем указывает на то, что лексемы - топонимы и географические названия (а именно *Волга, Жигулевские горы, Молодецкий курган, Девья гора, река Ра, Днепр, Двина, Кама*) в текстах одушевлены, антропоморфизированы и положительно окрашены.

2) Наиболее регулярными представителями группы «лексемы, обозначающие персонажей текста» являются следующие персонажи: *мужик (крестьянин), богатырь, молодец, княжна, молодая вдова, девушка*. К персонажам текста волжского повествовательного фольклора относится также реальный исторический персонаж – *Степан Разин* и его войско. Это самые значимые лексемы данной тематической группы, представляющие этноним *волжский*.

Мужские образы – *мужик (крестьянин), богатырь, молодец* – в волжских преданиях и легендах достаточно типизированы. То есть, можно говорить о том, что они наделяются общефольклорными характеристиками.

Это делает мужские образы предельно обобщенными, а в силу этого они практически лишены локальных особенностей.

Образ *Степана Разина* воплощает в себе именно те главные качества, которые присущи волжскому народу: вольнолюбие, свободомыслие. Вместе с тем это образ гиперболизированный, наделенный сверхчеловеческими качествами. Он воспринимается народным поэтическим сознанием как воплощение волжского вольнолюбия, духовной свободы, истинно волжского характера.

Женские образы – *княжна, молодая вдова, девушка* – созданы народным поэтическим сознанием в соответствии с русской фольклорной традицией, с опорой на этнические, ментальные представления, которые воплощены в текстах волжских преданий и легенд.

Русская традиция соизмеряет требования идеальной внешности с внутренними качествами, душой. Именно поэтому в описании женских персонажей актуализируются, прежде всего, такие семы, как "привлекательная внешность", "наличие определенных душевных качеств, черт характера".

Волжская героиня характеризуется такими внешними качествами, как *чернобровая, черноглазая, пронзительный взгляд*; специфическими внутренними качествами – *суровая, ревнивая, с крутым характером, умеющая любить*. В целом же данный образ отличается от общефольклорных представлений о молодой девушке.

Такая оценка несет в себе отпечаток местного колорита, выраженного, прежде всего, в едва уловимых нюансах эмоционального восприятия мира. Это характер, порожденный самой волжской природой – смелый, мудрый, суровый, вольнолюбивый.

3) Выявив и проанализировав лексемы, образующие кластер «Свое» в текстах волжских легенд и преданий, можем сделать вывод о том, что этнонимическая лексика в анализируемых текстах отражает в себе волжский народный менталитет, а многие ее элементы входят в ядро фольклорного словаря, представляют собой определенные константы фольклорного мира.

Легенды и предания несут в себе отпечаток местного колорита, выраженного в едва уловимых нюансах эмоционального восприятия мира. Вольнолюбие - ключевое слово для описания истории Поволжского региона, который еще в XVI веке назывался Волжской вольницей.

IV. "Чужим" в текстах волжских преданий и легенд обозначается все, что находится за пределами Волги – «не свое, нездешнее, незнакомое». «Чужими» в волжских легендах и преданиях обозначаются либо географические реалии, либо существительные со значением лица. Мы сгруппировали их в 2 тематические группы: 1) лексемы - географические названия; 2) лексемы, обозначающие персонажей текста. Эти группы объединяет один общий признак: все они связаны со сферой чужого и противопоставлены своему – волжскому – как этнически чуждые, враждебные, относящиеся к дальней стороне.

1) Группа «лексемы- географические названия» представлена следующими географическими реалиями: *за Волгой, по ту сторону Жигулей, Оренбургские степи, степная луговая сторона, степная сторона, степь, Турецкое царство, Азовское море, Каспийское море*, а также реалиями с обобщенным характером: *незнакомые, глухие места, болота*, которые в своем толковании обнаруживают негативную окраску. Волжская сторона в анализируемых текстах противопоставляется также миру российскому в целом. Это находит воплощение в оппозиции Петра I, олицетворяющего Россию, и орла, выступающего символом волжских просторов. В связи с этим можно говорить о том, что волжский народ позиционирует себя как некое обособленное этническое культурное сообщество.

2) Группа «лексемы, обозначающие персонажей текста» включает следующие лексемы: *соседи, вражьи люди, пришельцы, кочевники, Пугач, Пугачев, Татарский хан Мамон, трухменцы, два шигонских молодых парня, чувашенин, татарин, чужестранные люди*.

«Чужое» в группе «лексемы, обозначающие персонажей текста» воспринимается – в большинстве случаев – как негативное, приносящее вред,

чуждое. В данной группе лексем выявляются следующие семы: «принадлежность к определенной этнической группе», «противники»; в семантическом объеме лексемы *Пугачев (Пугач)* различаем также семы «принадлежность к степной стороне», «разбойник».

Лексемы, объединенные в данную группу и реализующие данные семы, в анализируемых текстах выражают:

- негативную коннотацию: *вражьи люди, пришельцы, чужестранцы*.
- негативное отношение к тому или иному этносу: *трухменцы, татарин, два шигонских молодых парня*.
- чуждое географическое пространство: *степная луговая сторона, Оренбургские степи, степь*.

V. В третьем параграфе второй главы мы обращаемся к этнонимам, представляющим «пограничный мир». В пределах кластера «пограничный мир» мы выделяем одну группу – «мифологические персонажи». В данном параграфе мы проанализировали и охарактеризовали основных мифологических персонажей в текстах волжских преданий и легенд. Изучение мифологической составляющей волжских преданий и легенд позволяет наиболее полно постичь истоки волжской культуры.

1) Группа «лексемы, обозначающие мифологических существ» включает три этнонимические лексемы: *русалка, водяной, рыба*.

2) Все мифологические реалии – *русалка, водяной, рыба* – являются представителями водной стихии. Возможно, такой набор мифологических героев обусловлен особенностями географического пространства, в котором создавались данные тексты: волжская - речная - сторона. Данные образы в текстах персонифицируются, что реализуется через соответствующий набор сем и атрибутов: "наличие определенных внешних данных" (*лебедь, красавица-баба, нагишом, косы, косы распущены*), "наличие определенных душевных качеств" (*жалобно-прежалобно, горько, заунывно, застонет, заохает, плачет*), "цель, предназначение" (*заманивать, русалочий приманный крик, пугать, страшно, берегли, охранять, хранить, беречь*), "статус" (*имела пра-*

во, приказала, старая, простая, распоряжается, наградить, отпустить, просит, угощает, живет во дворце изумрудном), "умственные качества" (бестолковая, разузнать, поумнее, узнать, умная, поняла).

3) Таким образом, можно говорить о том, что характеризующиеся в работе мифологические существа антропоморфизированы, они являются самостоятельными действующими лицами. Наглядность антропоморфизированных образов в текстах преданий и легенд увеличивается за счет образной детализации.

VI. Проанализировав три основные группы этнонимической лексики в повествовательном фольклоре Поволжья, мы пришли к общему выводу, что этнонимическая лексика в текстах волжских преданий и легенд отражает общую специфику фольклорного слова – яркое проявление в его семантической структуре оценочного компонента. Поэтому в выявленных нами этнонимах четко прослеживается тенденция к расширению значения от денотативного к оценочному. При этом оценка остается неизменной: лексемы, представляющие кластер «Свое», содержат положительную оценку, представители кластеров «Чужое» и «пограничный мир» всегда отрицательно окрашены.

Библиографический список

1. Адоньева, С.Б. Сказочный текст и традиционная культура /С.Б.Адоньева. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 200. – 181 с.
2. Азбелев, С.Н. Фольклор в системе общественного сознания // Проблемы фольклора /С.Н.Азбелев. – М.: Наука, 1975.
3. Азбелев, С.Н. Историзм былин и специфика фольклора /С.Н.Азбелев. – Л., 1882.
4. Аникин, В.П. Теория фольклора. Курс лекций /В.П.Аникин. – М.: Изд-во МГУ, 1996.
5. Артеменко, Е.Б. К вопросу о специфике и типологии экспрессивно-языковых средств русского фольклора // Фольклор и литература: проблемы изучения. Сб. ст. – Воронеж: Воронежский госуниверситет, 2001.
6. Арутюнова, Н.Д. Национальное сознание, язык и смысл // Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы.– М., 1995. Т. 1.
7. Басик, С. Н. Общая топонимика: учебное пособие для студентов географического факультета /С.Н.Басик. – Минск : БГУ, 2006. – 200 с.
8. Байбурин, А. К. Ритуал: свое и чужое // Фольклор и этнография: проблемы реконструкции фактов традиционной культуры. – Л.: Наука, 1990.
9. Барашков, В.Ф. История в названиях рек /В.Ф.Барашков. – Куйбышевское книжное издательство,1990. – 80с.
10. Богуславский, В. М. Человек в зеркале русской культуры, литературы и языка /В.М.Богуславский. – М.: Космополис, 1994. – 237 с.

11. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание /А.Вежбицкая.– М., 1997. – С. 55.
12. Венгранович, М.А. Экстралингвистическая основа и лингвостилевая специфика фольклорного текста. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. – Тольятти, 2005. – 468 с.
13. Ворокова, Н.У. История этнолингвистики /Н.У.Ворокова. – Нальчик, Каб.-Балк. ун-т, 2002. — 46 с.
14. Герд, А.С. Введение в этнолингвистику: Курс лекций и хрестоматия. 2-е изд., исправл./А.С.Герд. — СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2005. – 457 с.
15. Гин, Я. И. Днепр – Непра – Лелепр: О поэтике гидронима в фольклоре и литературе // Язык русского фольклора. – Петрозаводск: изд-во ПГУ, 1992.
16. Гусев, В. Е. Эстетическое отношение фольклора к действительности // Эстетика фольклора. – Л.: Наука, 1967.
17. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т. – М., 1956.
18. Евгеньева, А.П. Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII-XX вв./А.П.Евгеньева. – М. – Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. – 338 с.
19. Золотова, Т.А. Из фольклора Поволжья / Сост. Т.А. Золотова. – М: Сов. Россия, 1990. – 80с.
20. Капица, Ф. С. Славянские традиционные верования, праздники и ритуалы: Справочник. – 2-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2001. – 216 с.
21. Кашкин, В. Б. Этноним в наивной философии языка и картине мира // Русское и финское коммуникативное поведение. Вып.3.– Воронеж, 2000.

22. Колесов, В.В. Ментальные характеристики русского слова в языке и в философской интуиции // Язык и этнический менталитет: сборник трудов. С. 120-125.
23. Кузменко, С.Е. Жемчужины Жигулей. Предания, сказы, легенды /С.Е.Кузменко. – Куйбышевское книжное издательство, 1974. – 118 с.
24. Лазутин, С.Г. Поэтика русского фольклора /С.Г.Лазутин. – М.: Высшая школа, 1989.
25. Лозовская, Н.В. Некоторые структурные особенности русских народных сказок как отражение этноменталитета // Язык и этнический менталитет: сборник трудов С. 61-66.
26. Лотман, Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – культура /Ю.М.Лотман. –М.: ЯРК, 1996.
27. Никитина, С.Е. Устная народная культура и языковое сознание /С.Е.Никитина. – М.: Наука, 1993. – 187 с.
28. Ожегов, С.И., Шведова, Н. Ю. Словарь русского языка. – М., 1961.
29. Патянина О.В. Внешняя красота женщины в изображении А.С. Пушкина /О.В.Патянина. – Омск: Омский государственный университет, 1999.
30. Попов, А.И. Географические названия: Введение в топонимику /А.И.Попов. — М.-Л., 1965.
31. Померанцева, Э. В. Соотношение эстетической и информативной функций в разных жанрах устной прозы // Проблемы фольклора. – М.: Наука, 1975.
32. Пропп, В.Я. Фольклор и действительность /В.Я.Пропп. - М.: Издательство «Наука», 1976. 327 с.
33. Пропп, В.Я. Фольклор. Литература. История /В.Я.Пропп. –М.: Издательство «Лабиринт» - 2002. 441с.

34. Просвирнина, И. С. О структурном многообразии топонимов и русском языке // Язык и этнический менталитет: сборник трудов. С.125-133.
35. Путилов, Б.Н. Эпическое сказительство: Типология и этническая специфика / РАН. МАЭ им. Петра Великого (Кунсткамера). – М.: Вост. лит., 1997. – 295 с.
36. Путилов, Б.Н. Фольклор и народная культура / Отв. ред. А.С. Мыльников; РАН. МАЭ им. Петра Великого (Кунсткамера). — СПб.: Наука, 1994. — 238 с.
37. Селиванов, Ф.М. Поэтика былин. Ч. 1. Система изобразительно-выразительных средств /Ф.М.Селиванов. – М.: Изд-во МГУ, 1977.
38. Сорокина, Н.В. Степан Разин. Народные песни /Н.В.Сорокина. – Куйбышевское книжное издательство, 1979. 104с.
39. Тараканова, Н.И. Сказки Волжской вольницы. – Тольятти: МОУ ДПОС – Центр информационных технологий; Фонд «Духовное наследие», 2002. – 448с.
40. Гарланов, З.К. Этнический язык и этническое видение мира // Язык и этнический менталитет. – Петрозаводск: Издательство Петрозаводского университета, 1995.
41. Гарланов З.К. Язык. Этнос. Время: Очерки по русскому и общему языкознанию /З.К.Тарланов. –Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского ун-та, 1993. 221 с.
42. Толстой, Н.И. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике /Н.И.Толстой.– М.: Издательство "Индрик", 1995. 512 с.
43. Толстой Н.И. и другие: Этнолингвистический словарь славянских древностей: Проект словника. Предварительные материалы.– М., 1984. 172 с.

44. ФЭС 1998 – Философский энциклопедический словарь.– М., 1998.
45. Хроленко, А.Т. Своеобразие фольклорного слова // Русский фольклор. Проблемы текстологии фольклора. XXVI. – Л.: Наука, 1991. – С. 123-130.
46. Хроленко, А.Т. Аккумулирующее свойство слова // Основы лингвокультурологии : учеб. Пособие / А. Т. Хроленко; под ред. В. Д. Бондалетова. – 4-е изд. – М.: Флинта Наука. 2008. – С. 80-81.
47. Хроленко, А.Т. Этническая ментальность // Основы лингвокультурологии : учеб. Пособие / А. Т. Хроленко; под ред. В. Д. Бондалетова. – 4-е изд. – М.: Флинта Наука. 2008. –С. 62-72.
48. Червинский, П.П. Семантический язык фольклорной традиции П.П.Червинский. – М., 1989.
49. Шуклин, В. В. Русский мифологический словарь. – Екатеринбург: Уральское изд-во, 2001. – 384 с.
50. Сборник: Скоморошина. – М.: Эксмо, 2007. – 544 с. Приводятся тексты из сборников К.Данилова, А.Гильфердинга, М.Чулкова, А.Соболевского, собранные в XVIII и XIX веках.

